

Юрий Безелянский

О СССР— без ностальгии

Воспоминания
и дневник москвича

Книга первая | 30–80-е годы

Воспоминания и дневник москвича

Юрий Безелянский
**О СССР – без
ностальгии. 30–80-е годы**

«У Никитских ворот»

2021

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

Безелянский Ю. Н.

О СССР – без ностальгии. 30–80-е годы / Ю. Н. Безелянский —
«У Никитских ворот», 2021 — (Воспоминания и дневник
москвича)

ISBN 978-5-00170-298-6

«О СССР - без ностальгии» - книга воспоминаний и дневников одного московского интеллигента в очках. О детстве, о школе, об институте и работе в советских учреждениях, с подробностями и проблемами ушедшего времени. Поиск своего места в жизни. Повествование о том, как автор данной книги шёл трудно, набивая себе шишки, к заветной цели: стать писателем. Современному читателю будет интересно узнать, что читал мальчик-юноша-молодой человек, что видел, с кем встречался, во что верил и в чём сомневался. В книге много отчаяния, стихов и рассуждений о жизни. Книга рассчитана на массового читателя: для старшего поколения - в усладу узнавания ушедших лет, для молодых - в назидание и в урок, как жили их отцы и деды, начиная с 30-х годов прошлого века. Без восхищения и ностальгии, а с некоторой болью и иронией. Субъективно? Несомненно. А если иначе, то нудно и скучно...

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

ISBN 978-5-00170-298-6

© Безелянский Ю. Н., 2021
© У Никитских ворот, 2021

Содержание

Начало	5
1932–1938 годы	8
1939 год	10
1940 год – Первый класс. Стихи для детей	13
1941 год – Война, эвакуация	16
1942–1944-е. Военные годы	18
1945 год. Победа	19
1946 год – Дети двора	26
1947 год – 14/15 лет. Гуляйполе	29
1948 год – 15/16 лет. Стиляга	31
1949 год – 16/17 лет. «Я хочу одной отравы – пить и пить стихи!»	35
1950 год – 17/18 лет. Школьные проблемы: переход из дневной школы в вечернюю школу рабочей молодёжи	40
1950 год. Отрывки из дневников	42
1951 год – 18/19 лет. В волнах неопределённости	54
1952 год – 19/20 лет. Смерть мамы. Аттестат зрелости. Женитьба как спасение утопающего	61
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Юрий Безелянский

О СССР – без ностальгии.

Воспоминания и дневник москвича.

Книга первая. 30–80-е годы

Начало

Модное выражение «Книга памяти». И таких книг издано множество: о войне, об индустриализации и коллективизации в стране, о космических полётах, «о доблестях, о подвигах и славе», как выразился Александр Блок, но не только. Ещё о голодоморе, о Большом терроре, о зверствах, о ГУЛАГе... Да мало ли о чём можно вспоминать. Главное: помнить, не забывать прошлое, извлекать из него уроки. Как гласит китайская поговорка:

«Самые бледные чернила лучше, чем наилучшая память».

А кроме общественно-политической жизни, у каждого индивида есть своя, личная, частная, приватная, со своими поражениями и победами, драматическими коллизиями и поворотами, тупиками и надеждами. И тут лучше классика не скажешь. Пушкин, «Воспоминания», 1828 год:

Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слёзы лью,
Но строк печальных не смываю.

Будем равняться в откровенности на Александра Сергеевича, не скрывая отвращения и горьких слёз. Что было, то было. Позади длинный путь от неизвестности и заурядности к популярности в узких кругах. Ошибки, заблуждения и промахи. От упоения жизнью к разочарованию и скепсису. Обо всём этом и хочу поделиться с молодым поколением, а вдруг кому-то поможет.

О себе могу сказать: я – странный человек с бурлящей памятью. Систематик по натуре, любитель всё записывать и фиксировать на бумаге (такой же манией страдал Стендаль). Отдельные попытки написать автобиографию были не раз, ну и в течение 70 лет с маленькими перерывами вёл дневник, который и лёг в основу данной книги «О СССР – без ностальгии». Книга получилась своеобразная и трудно определяемая по жанру: то ли хроника, то ли жизнеописание, то ли воспоминания, то ли какой-то мемуаризм, некое шоу по типу салата оливье. Впрочем, судить не мне. Как гласит латинское изречение: *Littera scripta manet* (Написанное остаётся). И кто-нибудь обязательно натолкнётся на книгу на одной из пыльных полок библиотеки.

* * *

С чего начинается книга? Каждая по-своему. Лев Толстой свой роман «Анна Каренина» начал так: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему».

А Томас Манн свой знаменитый роман «Волшебная гора» начал так: «В самый разгар лета один ничем не примечательный человек отправился из Гамбурга, своего родного города, в Давос...»

Я долго думал, как после краткого предисловия начать свою книгу. И решил без всяких литературных изысков, топорно, почти по-канцелярски со стандартного представления героя, то бишь автора, как говорится, в лоб. Анкета героя. Всё честно: если понравится – будут читать, нет – отодвинут книгу. Итак:

Листок по учёту кадров

ФИО – Безелянский Юрий Николаевич (Копелевич).

Рождение – 2 марта 1932 года в Москве, в престижном роддоме им. Грауэрмана на Старом Арбате. Москвич в третьем поколении.

Национальность – по паспорту русский. Но русский с примесью еврейской, украинской, польской и французской кровей.

Родители – мать Безелянская Ольга Алексеевна (урождённая Кузнецова), годы жизни 1909–1952. Отец – Николай (Копель) Ефимович Безелянский, родился в Витебске, 1906–1966. Пострадал в годы сталинских репрессий, «враг народа», но впоследствии полностью реабилитированный.

Образование – высшее экономическое (Институт народного хозяйства им. Плеханова) и политическое (Институт марксизма-ленинизма).

Партийность – в пионерах не был замечен, хотя с удовольствием распевал песню: «Взвейтесь кострами, синие ночи, / Мы пионеры – дети рабочих!..» В ряды ВЛКСМ вступил поздно, неоднократно занимал должности комсомольского секретаря. Член КПСС с 1963 года, вышел из партии после распада СССР.

Общественная работа – кем только не был – комсомольским и партийным секретарём, председателем профкома, председателем комиссии народного контроля, пионервожатым в пионерских лагерях и т. д. Последний партийный пост – секретарь партбюро Главной редакции радиовещания на страны Латинской Америки на Иновещании в Госкомитете по радиовещанию и телевидению СССР. Маленькая «шишка».

Награды и поощрения – медаль «В память 850-летия Москвы» (1998), медаль «Ветеран труда» (1989), значок «Отличник потребительской кооперации СССР» (1982).

Членство в творческих организациях – член Союза журналистов СССР (1964), билет № 2465, член Клуба писателей ЦДЛ, член Союза писателей Москвы – билет вручала Римма Казакова.

Диплом Союза журналистов по итогам 2001 года – лауреат премии в номинации «За профессиональное мастерство» (24 января 2002 г.).

И всё! Разные отдельные почётные грамоты. Но ни Нобеля, ни Шнобеля, никакого Кюхельбекера не получал (и как писал Пушкин: «и было мне и кюхельбекерно и тошно...»). Всё дело в литературном одиночестве, вне групп, вне стаи. Одинокий волк...

Мнения, отзывы, оценки в СМИ – более 100 интервью в различных газетах и журналах:

«Человек-архив», «Библиоман и коллекционер», «Хранитель времени», «Ловец информационного жемчуга», «Рыцарь Серебряного века и летописец Огненного», «Субъективный календарист», «Человек-энциклопедия», «Человек без Интернета», «Автор книг с загадочным очарованием» и т. д. А сколько восторгов в читательских письмах, ну и хулы, разумеется. Я только усмехаюсь и смеюсь в душе...

Кажется, я удалился далеко от жанра «Листка по учёту кадров».

Выговоры, наказания – был выговор в Мосхлебторге за прогул и вынужденный уход из Радиокomiteта в результате конфликта с главным редактором – фрондировал.

Воинское звание – старший лейтенант запаса. В армии не служил, но военную подготовку получил при институте. По натуре пацифист, человек мира и противник любой войны. В барабаны не быю и в фанфары не трублю...

Главное хобби – футбол.

Главное увлечение – книги.

Любимый город – Париж...

На этом придуманный кадровик заткнулся и стал чесать за ухом: что это за фрукт Ю.Б.?..

23 декабря 2018 г.

1932–1938 годы

Золотое и горькое детство

Я родился 2 марта 1932 года в 2 часа дня в Москве, на Старом Арбате, в образцовом родильном доме им. Грауэрмана. Переболел многими болезнями и даже полежал в Морозовской больнице. В итоге выжил и превратился в упитанного малыша, по крайней мере, так выглядел на детских фотографиях, на руках у няни и верхом на деревянной лошадке. Рос шустрым ребёнком, и за шустрость прозвали «юлою».

Из раннего детства ничего не помню, так, эпизоды и обрывки. И всегда удивляюсь, как некоторые вспоминатели уверенно рассказывают о своих детских годах.

Моё детство почти безоблачное. Я был единственным сыном. Отец до моего рождения послужил моряком на Балтфлоте (тельняшка, бескозырка), потом служба в органах: старший лейтенант госбезопасности. Получил в Москве квартиру в престижном доме на Мытной улице, в доме, где находился знаменитый магазин в округе «Три поросёнка» (кстати, одна из любимых книг детства). На служебной машине меня возили в детсад НКВД в Большом Комсомольском переулке, а когда забирали обратно, то неизменный заезд в Армянский переулок в кондитерский магазин за шоколадными бомбами, внутри которых находилась малюсенькая деревянная игрушка. Это помню точно. Летом семья выезжала в Крым. А потом вся эта благодать рухнула. И 8 лет были вычеркнуты из жизни отца, если не считать последующую ссылку в Сибирь. И так, 8 лет безотцовщины – с 7 по 15 лет. И мама осталась без мужа, в дальнейшем семья уже не склеилась. Можно благодарить Бога, что обошлось без расстрела...

Клуб 1932

Вернёмся к 1932 году, о своих ровесниках с 32-го года я написал в 2000 году книгу «Клуб 1932», мне было интересно сопоставить свою судьбу с судьбою своих звёздных ровесников. И какие имена! Президент Франции Жак Ширак, звезда Голливуда Элизабет Тейлор, россыпь российских писателей и поэтов: Василий Аксёнов, Владимир Войнович, Василий Белов, Фридрих Горенштейн, Роберт Рождественский, Римма Казакова, драматург Михаил Шатров, кинорежиссёры Андрей Тарковский, Милош Форман, Франсуа Трюффо, композиторы Франсис Лей, Мишель Легран, Родион Щедрин, артисты Евгений Урбанский, Омар Шариф, Энтони Перкинс (фильм «Психо»), Александр Белявский, Зиновий Высоковский (пан Зюзя), художник, мастер пышных женских форм Фернандо Ботеро, первые леди Раиса Горбачёва и Наина Ельцина и ещё несколько десятков известнейших персон...

1932 год – сколько важнейших событий и сенсационных фактов произошло! Бушевал мировой кризис. Русский эмигрант Павел Гор-гулов застрелил президента Франции Поля Думера. Лётчица Амелия Эрхарт, первая из женщин, пересекла на самолёте Атлантику. Весь мир ужаснулся злодеяниям «сладкой парочки» Бонни и Клайда, прославившейся убийствами и грабежами. Лучшим фильмом года стал «Вампир».

Ну, а в СССР был выдвинут лозунг ДиП – догнать и перегнать передовой Запад (с тех пор только и занимаемся этими догонялками и всё больше и больше отстаём). Страна гудела и звенела от индустриального размаха.

Не спи, вставай, кудрявая,
В цехах звеня,

Страна встаёт со славою
Навстречу дня!..

Автора текста этой песни Шостаковича Бориса Корнилова вскоре расстреляли как «врага народа». ГУЛАГ набирал обороты. Руками заключённых строился Беломорканал. Господи, как много всего было!..

Не отставал и культурный фронт. В Художественном театре состоялась премьера «Мёртвых душ». Раскритикованный в пух и прах Михаил Булгаков вынужден был перелопачивать чужой текст. «Я смотрю на полки, – признавался писатель, – и ужасаюсь: кого мне ещё придётся инсценировать завтра? Тургенева, Лескова, Брокгауза-Эфрона?..»

«Белая гвардия» Булгакова была встречена в штыки, а расписывать какую-то «Улицу радости» (она с успехом шла в Театре революции) Михаил Афанасьевич не хотел да и не смог бы...

15 мая 1932 года была объявлена «антирелигиозная пятилетка». Предполагалось к 1 мая 1932 года ликвидировать все церкви, все молитвенные дома и изгнать «само понятие Бога». Появилось движение «Юные безбожники».

Ретиво принялись исправлять мозги и писателям с помощью выдуманного «социалистического реализма». Быстренько определили, кто правильный социалистический писатель, а кто «писатель буржуазного лагеря». Эмигрировавшие писатели Куприн, Осоргин, Набоков и другие создавали пронзительно ностальгические произведения об ушедшей старой России... Не вынесли жизни новой России Максимилиан Волошин и куртуазный поэт Николай Агнивцев: оба ушли в том же 1932 году.

Ах, Агнессочка, Агнессочка!
Опустилась занавесочка!..

Да, всё это было в 1932 году. А мы с вами, дорогой читатель, будем двигаться по хронике 30-х годов и далее, узнавая, что там происходило с данным товарищем (а ныне постаревшим господином Ю.Б.). Путь длинный, впереди более 80 лет.

6 января 2019 г., серое утро, белый снег

1939 год

Арест отца и пакт Молотова – Риббентропа

1939-й – это третий год Большого террора. По стране катится каток репрессий, попал под него и отец. Воображаемых врагов народа срезали слоями – интеллигенцию, крестьян, рабочих, служащих, военных, чекистов. 24 января пришли за отцом, мне было ещё 6 лет. Сначала следствие и тюрьма (Лубянка, Бутырка), следствие, и 29 ноября 1939 года вынесено решение Особого совещания при НКВД СССР. На основании статей 58-10 и 58-11 отец, как «враг народа», был приговорён к 8 годам лишения свободы. Отбывал в лагере где-то под Свердловском. Потом отца освободили, он вернулся в Москву, но мне, ещё маленькому, ничего не рассказывал. А потом вторая волна посадок, и его отправили в ссылку в Красноярский край. Через 15 лет постановлением Прокуратуры СССР, МВД СССР и КГБ при Совете Министров СССР от 7 июля 1954 года отец был полностью реабилитирован. Оказалось: не виновен! И таких невинных насчитывалось несколько миллионов. До сегодняшнего дня цифры не уточнены и оспариваются...

Вернусь к себе. Мне 7 лет. Отец в тюрьме, мать одна с сыном. Обычная судьба сталинского счастливого времени. Но вот парадокс: до 7 лет лично для меня время действительно было счастливое – рос в любви, в достатке. Но вот золотое детство померкло. Закатилось, как солнце. Пришли другие времена, а времена, как сказал поэт, не выбирают...

Отца взяли, и мы с мамой лишились многих удобств и привилегий, в частности престижной квартиры в доме на Мытной, и переехали (или нас переселили? – об этом я никогда не слышал от мамы) в коммунальную квартиру, в маленькую комнату на 1-м этаже в 1-м корпусе гостиничного типа в Арсентьевском переулке, рядом с Мытной. А потом переехали в отдельную однокомнатную квартиру – 14,7 кв. м с малюсенькой прихожей-кухней, газовая плита, раковина, туалет. Ванная комната одна на все 10 квартир в коридоре. В этой комнате и умерла мама 14 июня 1952 года. Дом № 28, квартира № 98.

1939 год помню смутно, а точнее, почти ничего не помню, кроме ребяческих забав. Резвился с соседскими мальчишками. Летом меня вывез в Анапу младший брат отца дядя Яша. Отец был чекистом, а дядя Яша – парикмахером, совсем иная судьба, и каток проехал мимо него. Осталась от Анапы фотография: я на камне в море недалеко от берега. Несмышлёный мальчик среди морских волн с неизвестной собственной судьбой. Хотя тогда и для всех взрослых судьба была неизвестна: сегодня тебя ценят и уважают, а завтра арест, тюрьма, лагерная пыль.

В 1939 году арестовали великого режиссёра, реформатора театра Всеволода Мейерхольда, бросили в тюрьму Исаака Бабеля. О нём я написал в книге «Опасная профессия: писатель» (2013). Он предчувствовал свою судьбу. В одном из рассказов он написал пророческую фразу: «А тем временем несчастье шаталось под окнами, как нищий на заре». Только время суток не угадал: за Бабелем пришли на рассвете 16 мая 1939-го на дачу, где он отдыхал с семьёй. Исаака Эммануиловича ликвидировали в 1940 году, писателю было 46 лет.

Шли аресты, на экраны страны вышел фильм «Щорс» о Гражданской войне, где красные доблестно побеждали белых. Но Гражданская давно закончилась, а на горизонте вспыхивала Вторая мировая война. Два диктатора, Гитлер и Сталин, играли в геополитические игры, пытаясь обхитрить и обмануть друг друга.

23 августа в Москве был подписан советско-германский пакт о ненападении между СССР и Германией, пакт Молотова – Риббентропа. А ещё секретные протоколы о разделе сфер вли-

яния в Восточной Европе: кому какие территории можно оттяпать. Народ недоумевал, какой пакт, какая дружба, и ходила шутка (опять-таки потихоньку), что фашистская Германия и Советский Союз – «заклятые друзья». И началась между друзьями делёжка: Красная армия оккупировала Западную Украину и Западную Белоруссию, заключили договоры с прибалтийскими странами, что потом дало возможность аннексировать и их. 30 ноября началась советско-финская война, которую историки называли «неизвестной войной». Ну и другие исторические «художества», за которые 15 декабря последовало исключение СССР из Лиги Наций.

Подумаешь, исключили, разве это главное. Главное:

Спасибо Яше Риббентропу,
Что он открыл окно в Европу.

Эта шутка приведена в книге «Самиздат века» (1997). И ещё одна шуточка: о необходимости переименовать Химки в Иоахимки в честь всё того же Иоахима Риббентропа.

Что было ещё в 1939-м? 1 августа открылась Выставка достижений народного хозяйства (ВДНХ). В Большом театре возобновили оперу «Жизнь за царя» под новым названием «Иван Сусанин». И Сусанин оказался нужным, и царь необходим.

В обстановке всеобщего ликования 21 декабря отмечался 60-летний юбилей Сталина.

Сталин – наша слава боевая,
Сталин – нашей юности полёт!
С песнями, борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идёт...

Текст песни Алексея Суркова. Не отстал и другой поэт, Михаил Исаковский:

О самом родном и любимом –
О Сталине песню споём!

И пели. И верили. Правда, не все. Кто-то всё-таки разбирался во всей этой Сталиниаде и потихоньку отводил душу, рассказывая анекдоты. Потихоньку, потому что боялись загреметь в лагерь, и отнюдь не пионерский. Всего лишь два анекдота из того прошлого.

1. – Вы не скажете, где здесь Госстрах?
– Госстрах не знаю, но Госужас рядом.
2. Два еврея проходят мимо Лубянки. Один тяжело вздыхает.
– Ха! – откликается второй. – Он мне будет рассказывать!..

Ностальгия по СССР

А автор книги воображает себя стоящим у кромки моря под названием Память, и тут набегают одна волна, за ней другая, третья. Короче, ностальгия, которая в народе приобрела причудливые очертания в виде шинели Дзержинского, усов Сталина, бровей Брежнева и т. д. Но ещё задолго до сегодняшних воспоминателей и вздыхателей о советском прошлом Осип Мандельштам написал злые строки об Иосифе Сталине:

Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.

Живописный ряд прошлого можно продолжать бесконечно долго: тут и конница Будёного, и Чапаев с Анкой-пулемётчицей, и Алексей Стаханов с шахтёрскими рекордами, и отважный лётчик Валерий Чкалов, и раздавленный в тюремной камере учёный Николай Вавилов, ну и индустриализация с коллективизацией, голодомор, ГУЛАГ, заводы и каналы, поблёскивающее пенсне Лаврентия Берии, и Большой театр, и Большой террор, и ещё много чего большого и грандиозного в СССР по популярной песне «Я другой страны такой не знаю, где так вольно дышит человек...».

Ностальгия вмещает всё, но очень избирательно: выталкивая позорное и плохое, выпячивая хорошее и энтузиазное. Гордость и эйфорию вместо слёз и страданий. Особенно тогда, когда будущее покрыто «непроницаемым туманом», как выразился историк Карамзин. А воспоминания словно сладкая карамель.

И кто выдумал эту ностальгию? Этот термин ввёл швейцарский медик Иоганн Хофер в XVII веке, и означал он болезненное состояние пациента. Вот и сегодня многие больны ностальгией: самоутешением и самооправданием, видя прошлое как исключительно успешное. Не надо было принимать мучительные решения о будущем, государство всё определяло, социально по минимуму защищало и вселяло уверенность в завтрашнем дне: и на пенсию проводят, и чайный сервиз подарят. Все проблемы и тревоги прошлого времени забыты, но зато высветлены отдельные островки страховки и заботы, чего ныне нет и в помине: «Денег нет, а вы держитесь!»

Ах, ностальгия – сладкий сон. А теперь вернёмся к очередному году.

1940 год – Первый класс. Стихи для детей

В конце 30-х детей принимали в школу с 8 лет, поэтому в первый класс я пошёл 1 сентября 1940-го в 8 с половиной лет. Школа рядом с домом на Мытной. Учился с удовольствием, но никаких подробностей не помню, а какие сохранились, то стёрлись войной. Осталась одна фотография класса – полна коробочка – под 40 детей. Наверняка в школе учили и читали стихи, возможно, про Родину и Сталина, но я приведу другие, которые действительно нравились дошколятам и первоклашкам. Их писали Корней Чуковский, Вера Инбер, Агния Барто, Сергей Михалков и другие.

И герои стихов были удивительные: Мойдодыр, Крокодил, который «наше солнце проглотил», Человек Рассеянный с улицы Бассейной, и Бычок, который боится: «Ой, доска качается. Сейчас я упаду!..» И Мишка, у которого оторвали лапу, «но всё равно его не брошу, потому что он хороший». Ну и конечно,

Знают взрослые и дети,
Весь читающий народ...

И кого знали? Дядю Стёпу.

Он идёт из отделения,
И какой-то пионер
Рот раскрыл от удивленья:
«Вот так ми-ли-ци-о-нер!»

А кругом дяди Стёпы шумящая детвора.

У Танюши дел немало,
У Танюши много дел:
Утром брату помогала,
Он с утра конфеты ел.

Ну а это? «Тра-та-та / Мы везём с собой кота...» Или –

Собачье сердце устроено так:
Полюбило – значит, навек.

Или опять про девочку Танюшу:

Перед сном сказала маме:
– Вы меня разденьте сами,
Я устала, не могу.
Я вам завтра помогу.

Классика!.. Я рос с этими стихами, детскими, которые сочиняли взрослые дяди и тётки. О них я тогда ничего не знал. А когда сам стал взрослым, то узнал и о многих написал: о Корнее Чуковском в книге «99 имён Серебряного века», об Инбер и Барто – в «Золотых перьях». А когда я познакомился с дневником Корнея Ивановича, то он стал моим любимым писателем из-за своей трудной судьбы и неистощимого юмора.

Как травили Корнея Чуковского! Надежда Крупская писала в «Правде» (1 февраля 1928 г.): «Я думаю „Крокодила“ нашим ребятам давать не надо, не потому, что это сказка, а потому, что это буржуазная муть».

Многие упрекали Чуковского, что он не затронул «ни одной советской темы, ни одна его книга не будит в ребёнке социальных чувств, коллективных устремлений... а восхваляет мещанство и кулацкое накопление...». Это про то, как муха шла по полю, «и муха денежку нашла»? Не годится детям знать про деньги: пережиток капитализма! Ещё досталось Тараканищу, из него критика вырезала целые куски, к примеру, такой:

И сказал ягуар:
Я теперь комиссар,
Комиссар, комиссар, комиссарище.
И прошу подчиняться, товарищи.
Становитесь, товарищи, в очередь...

О комиссарах так непочтительно, так и до вождей доберутся, – нет, так дело не пойдёт, Корней Иванович, уберите, или мы, цензоры, сами вырубим текст!.. И под корень пошли ещё «кузнечики-газетчики», которые «что с утра и до утра / Голосят они „ура“».

Что сказать? Кретины! Власть всегда нагружала литературу идеологией и пропагандой и рассматривала ребёнка как будущий винтик в государственной машине.

По своему малолетству многого тогда я не знал. И что Агния Бар-то – это в книгах, а на самом деле она – Гетель Лейбовна Волова, и что у неё была непростая судьба, и что её сын, 18-летний Эдгар, был сбит машиной в Лаврушинском переулке, около писательского дома, в 45-м за несколько дней до окончания войны... А Вера Инбер – страшное дело! – была племянницей Льва Троцкого, и тоже много хлебнула эта «хрупкая попутчица социализма». Она пыталась идти в ногу с комсомольскими поэтами, но у неё это плохо получалось. А ещё антисемитизм... Обо всём этом я узнал уже взрослым дядей...

За детскими стихами в школе пришла русская классика: Пушкин, Лермонтов, Некрасов... А потом мне подвернулся сборник «Чётки» Анны Ахматовой, и я целиком переключился на Серебряный век. Упивался строками с серебристым отливом тоски и печали: Блок, Бальмонт, Брюсов и т. д. (смотрите книгу «99 имён Серебряного века»). А в какой-то момент пришёл черёд обзериутам – Даниилу Хармсу и его компании. Один из этой компании – «Кондуктор чисел» Николай Олейников (1898–1942) погиб в 1937 году как «враг народа», а в документах указали: в 1942-м от тифа. Мало убили, так ещё и ввали! И остались в живых только стихи:

Жареная рыбка,
Дорогой карась,
Где ж ваша улыбка,
Что была вчерась?..

На этом обрываю неполный рассказик о детской поэзии и перехожу к внешним делам, к международному положению, сложившемуся в 1940 году. (30 декабря 2018 г.)

Два диктатора, Гитлер и Сталин, кроили Европу на свой лад. 10 мая, узнав о нападении Гитлера на Голландию, Бельгию и Люксембург, Вячеслав Молотов выразил уверенность в успехе Германии. А в начале августа СССР аннексировал Литву, Латвию и Эстонию, превратив их в советские социалистические республики. В ноябре Молотов ведёт переговоры в Берлине с Гитлером. С 1939-го по 1940-й общий объём советского экспорта в Германский рейх возрос с 61,6 до 738,5 млн рублей. Укрепляли мощь врага?.. А 18 декабря была принята директива №

216 об операции «Барбаросса» (о внезапном нападении на СССР). А если верить книге Суворова, то Сталин активно готовился к нападению на фашистскую Германию, только степень готовности оказалась разной...

Удалось Сталину наконец-то ликвидировать давнего главного соперника за ленинское наследие Льва Троцкого. Его убил наймит Меркадер ударом ледоруба по голове. 21 августа Льва Давидовича не стало. Следует вспомнить и расправу в июле 1937 года с верхушкой Красной армии, обвинённой якобы в заговоре против Сталина. Были расстреляны 3 маршала, 8 адмиралов, 14 командармов и тысячи офицеров. Я помню учебник истории с портретами Тухачевского, Якира, Уборевича и других высших чинов с выколотыми глазами (выкалывали глаза учителя или кто?..). Но это уже совсем иная тема.

Лично для меня 1940 год ещё знаковый из-за рождения двух близких мне людей.

24 мая родился Иосиф Бродский в Ленинграде. 1 августа в Москве – Анна Харашили. Щекастик, команданте Ще. Закончила филологический факультет МГУ. 3 ноября 1967 года вступила в брак с Юрием Безелянским. Жена, хозяйка, помощница, муза, журналистка, соавтор и автор своих нескольких книг. Все остальные подробности – по дневникам Ю.Б.

Ну а Бродский! Первый купленный сборничек в мягкой обложке «Назидание» (1990) сразу очаровал и сделал меня поклонником этого поэта.

Равенство, брат, исключает братство.
В этом следует разобраться...

Из «Письма римскому другу»:

Посылаю тебе, Постус, эти книги.
Что в столице? Мягко стелют? Спать не жёстко?
Как там Цезарь? Чем он занят? Всё интриги?
Всё интриги, вероятно, да обжорство...

Очень трудно ограничиться одной цитатой из Бродского, хочется ещё и ещё. Вот поздний сборник прекрасного Иосифа «Пейзаж с наводнением» (изд. «Ардис»). Начало «Ответа на анкету»:

По возрасту я мог бы быть уже
в правительстве. Но мне не по душе
а) столбики их цифр, б) их интриги,
в) габардиновые их вериги...

И раннее стихотворение: «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку... / Запрись и забаррикадируйся / шкафом от хроноса, космоса, эроса, расы, вируса».

Запрись. Сочиняй или читай Хронику жизни.

1941 год – Война, эвакуация

В сентябре я должен был пойти во 2-й класс, но война нарушила естественный ход событий. 22 июня 1941 года грянула, вспыхнула, развернулась, ошеломила война: гитлеровские полчища напали на Советский Союз.

Войну я встретил в 9 лет в подмосковной Фирсановке на даче у маминых знакомых. Меня срочно привезли домой, и первое впечатление от военной Москвы: ночное небо во время налётов вражеской авиации. Мятущиеся прожектора, гул самолётов, свист бомб, грохот разрывов. Было захватывающе интересно наблюдать за воздушными боями. Я залезал на крышу дома и наблюдал, но, правда, до тушения зажигалок дело не доходило.

Первое время мы с мамой провели в Арсентьевском переулке, в Замоскворечье, а потом перебрались на Волхонку, к родственникам – к Кузнецовым, и все вместе, как только объявляли воздушную тревогу, устремлялись в метро на станцию «Библиотека им. Ленина», в туннель и располагались на рельсах в ожидании окончания налёта. Сотни людей лежали, сидели и вздрагивали от страха. Кто-то пытался задремать, кто-то вёл тревожный разговор о том, что будет дальше. Многие верили в пропаганду о том, что «любимый город может спать спокойно, / И видеть сны, и зеленеть среди весны...».

Однако довоенная удаль и защищённость быстро испарились, и никто уже не распевал предвоенные звенящие песни:

На земле, в небесах и на море
Наш напев и могуч, и суров:
Если завтра война,
Если завтра в поход, –
Будь сегодня к походу готов!..

Оказалось, что не готовы к походу на врага, и под напором фашистских армий сдавали город за городом. И вот уже враг у ворот Москвы...

А кто писал эти фальшивые бодряческие песни и марши с игрою мускулов и выпячиванием груди? О том, что «С нами Сталин родной, и железной рукой / Нас к победе ведёт Ворошилов!...»

Ни Ворошилов, ни прославленная конница Будённого не привели нас к победе. Победу ковал народ и совсем другие полководцы. Победа пришла через 4 года через тяжёлые поражения и миллионные потери людей.

Для меня, мальчишки, будущее скрывалось в сплошном тумане, и я в силу малого возраста не мог разобраться во всех причинах и следствиях разыгравшейся трагедии. И только потом, будучи взрослым и прочитав многие военные книги, я уяснил эти ужасные вопросы – что, как и почему?.. Но при этом меня особенно интересовали поэты и писатели, фанфаристы и барабанщики, трубадуры победоносной войны. Об одном таком мажоре, Василии Лебеде-Кумаче, я написал в книге «Опасная профессия: писатель» (2013). Вот отрывок из книги:

В середине октября 1941 года Лебедеву-Кумачу позвонил Александр Фадеев и сказал: «Вы назначены начальником последнего эвакуационного эшелона писателей в Казань». По свисту родных, Василий Иванович закричал: «Я никуда из Москвы не поеду! Я мужчина, я могу держать в руках оружие!» Ещё один звонок из ЦК: объявлена всеобщая эвакуация. Значит, Москву сдают?! Лебедев-Кумач метался по квартире и говорил жене, не говорил, а почти кричал: «Как же так? Я же писал: „Наша поступь тверда, и врагу никогда не гулять по респуб-

ликам нашим“... Значит, я всё врал?! Ну как же я мог так врать? Как же?..» Лебедев-Кумач был буквально ошеломлён.

В воспоминаниях Юрия Нагибина написано, что на перроне Киевского вокзала он услышал, что Лебедев-Кумач сошёл с ума, срывал с груди ордена и клеймил позором вождей как предателей...

Жена поэта-песенника вспоминала, как он при отъезде увидел в газетном киоске портрет Сталина, глаза у него сделались белыми, и он заорал каким-то диким голосом: «Что же ты, сволочь усатая, Москву сдаёшь?!» К счастью, Лебедева-Кумача не арестовали, а направили на лечение в психиатрическую больницу. Там Лебедев-Кумач оклемался и вновь запел свои привычные патриотические песни:

Мы – храбрые люди,
Мы родину любим.
И жизнь мы готовы отдать за неё...

Вот такая была история с мажорным Кумачом... Ну, а возвращаясь к нашей семье: мама решила не эвакуироваться, а остаться в Москве, а меня отправить с дядей Шурой, который вместе со своим радиозаводом отправлялся на восток. С собою он взял младшую сестру Машу, двоих её маленьких детей и в придачу ещё одного племянника – меня. В таком составе мы отправились в эвакуацию.

Нас приютили где-то за Чистополем, рядом с Елабугой, где трагически рассчиталась с жизнью Марина Цветаева. Жили мы в каком-то небольшом поселении. Жили тяжело. Голод не голод, а было трудно. Пришлось мне коллекцию марок, которые я собирал перед войной, а там были редкие экземпляры Тасмании и Мадагаскара, обменять на картошку. Пришлось и поработать в колхозе за какие-то трудовни. А ещё выучился ездить на лошади и ругаться по-татарски. Ну и что-то ещё.

Главное, что запомнилось длинными и тёмными вечерами, как Маша развлекала свой детский сад. Пела она не народные русские песни, типа «Во поле берёзонька стояла...», а песни с лагерно-тюремным уклоном: «Таганка, все ночи, полные огня, / Таганка, зачем сгубила ты меня...»

Или вот такое душераздирающее:

По тундре, по железной дороге,
Где мчится курьерский
«Воркута – Ленинград»...

Ну и конечно, про неведомую Мурку: «Здравствуй, моя Мурка, Мурка дорогая. / Здравствуй, моя Мурка, и прощай!..»

И я с жгучим интересом узнавал, что же такое натворила эта неведомая Мурка? Она «зашухарила всю нашу малину». Мне было жалко эту убитую Мурку, и даже больше, чем маршала Клима Ворошилова, который как-то бездарно сник в годы войны.

Когда я вернулся в Москву (отдельная песня), то во дворах звучали не военные песни, а все те же уголовные и блатные, а ещё разухабистые одесские, они всех тонизировали и бодрили: «На Дерибасовской открылась пивная, / Там собиралась компания блатная...»

Нет, снова гоп-стоп! Оставим в покое Васю-шмаровоза, маркера Моню и прочих колоритных персонажей. Я не виноват, это лукавое перо само увело меня в сторону от тяжёлого военного бытия. В Москве меня ждал новый песенный кумир – Александр Вертинский, с иным репертуаром: изысканными богемными ариетками. (2 января 2019 г.)

1942–1944-е. Военные годы

Осенью 1942 года мама вызволила меня из эвакуации. В Москву просто так возвратиться было нельзя, поэтому меня привезли нелегально, в поезде зайцем. Вдвоём с мамой мне было хорошо. Мама любила меня и заботилась обо мне, но при этом совершенно не стесняла моей свободы. Она выполняла какие-то заказы для фронта, что-то шила, строчила на машинке, а потом я помогал ей отвозить выполненные заказы на какой-то пункт на улице Кирова (ныне Мясницкая). В целом было нелегко, но вполне терпимо. А потом появились американские поставки по ленд-лизу: какие-то консервы, шоколад и прочие вкусности.

Осенью 1942 года пошёл во 2-й класс, это был последний год совместного обучения с девочками. Первые коллизии: я симпатизировал некой Аде, «цыпочке», а она на меня не обращала внимания, зато другая девочка, Роза, ко мне питала симпатию (сегодня сказали бы: клелась) и норовила всё время читать неприличные стишки. Но мне была ближе мальчишеская компания: Гера Левитас и Юрка Фураев (как сложились их судьбы, не знаю).

В третий класс уже перешёл в другую мужскую школу № 554 в Стремянном переулке, наискосок на другой стороне расположился Институт им. Плеханова, и я, конечно, не знал, что в дальнейшем мне придётся стать плехановцем.

3-й и 4-й классы закончил с похвальной грамотой, ну, а с 5-го класса (1945–1946) начался шалтай-болтай. И в таблице появилось определение «ленивый мальчик».

А война тем временем шла и полыхала. Советская армия перешла в контрнаступление и стала освобождать город за городом, и после освобождения каждого производился салют, что приводило всех мальчишек в экстаз. По радио ликовал Леонид Утёсов: «С боем взяли город Брянск...» А дальше перечисление городов и улиц: «...Значит, нам туда дорога, / Киевская улица на запад нас ведёт...» Позднее в учебниках по истории с восхищением напишут о «Десяти сталинских ударах».

1945 год. Победа

День Победы 9 мая 1945 года я встретил в возрасте 13 лет и отправился на Манежную площадь участвовать в народном ликовании. Ура! Мы победили! Были забыты отступления и поражения, громадные людские потери и разрушения. На первом плане красовались подвиги и геройство. Слагались мифы и легенды. Конечно, главным героем войны был генералиссимус Сталин, ну и исполнители его воли – маршалы. Я помню одну растиражированную фотографию: сидят маршалы Мерецков, Конев, Василевский, Жуков, Рокоссовский. А за ними стоят Толбухин, Малиновский, Говоров, Ерёменко, Баграмян. Интересно, знают ли эти имена современные мальчишки?..

Сияние Победы. Фанфары и литавры. А какова была цена Победы? Подлинные цифры погибших и раненых долго скрывались, да и сегодня цифра в 28 миллионов наверняка не окончательная. Да и не все погибшие бойцы похоронены. Поиск жертв Отечественной войны продолжается по сей день. Поэты и писатели долгие годы обходили жестокую правду о войне стороной. Одним из первых был Иосиф Бродский, написавший стихотворение «На смерть Жукова»:

Сколько он пролил крови солдатской
В землю чужую! Что ж, горевал?..

Гибель людей, ошибки командования, просчёты Верховного – всё было табуировано. Правдивых свидетельств и воспоминаний было мало. Лишь отдельные строки, к примеру, Александра Твардовского отражали реальные события:

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый!
Снег шершавый, кромка льда...
Кому память, кому слава,
Кому тёмная вода –
Ни приметы, ни следа...

Несколько слов о личном военном счёте. Отец из лагеря рвался на фронт, но получил отказ: политических на войну не посылали... Мама во время бомбёжки получила травму головы (ударная волна разбила оконную раму), что в дальнейшем привело к ранней смерти. Дядя Вася (Василий Кузнецов), любимый брат мамы, погиб в котле под Смоленском. Дядя Лёша (Алексей Кузнецов) и двоюродный брат отца Алексей (Элий Безелянский) вернулись в войны ранеными, но живыми.

Ну, а я, мальчишка, без вклада в Победу. Вот только выступал однажды перед ранеными бойцами в Институте Вишневского (рядом со школой) в постановке Гайдара «Тимур и его команда». Исполнял роль не положительного Тимура и не хулигана Квакина, а какого-то Коли Колокольчикова. Выздоровливающие солдаты и офицеры дружно хлопали. Вот и весь вклад... Короче, в танке не горел, в плену не был, под бомбы не попадал. А попал в книгу «Мое опалённое войною детство» (фонд Ельцина, 2015). Там на страничке коротко рассказал о себе и привёл свои единственные строки о войне:

Шли поезда на восток.
Где-то там, под Казанью,
Жизнь давала урок
Трудностей в назиданье.

Ел из мякины хлеб,
Собирал на растопку щепки
И впервые понял, что человек
Сработан довольно крепко...

Это, пожалуй, всё, что я писал о войне (не моя это тема), лишь однажды прикоснулся к мифологии, когда работал в журнале «СПК» и Георгий Фролов (знакомый по многотиражке «Советский студент») принёс свою статью о Вере Волошиной ко Дню Победы. Статью бездарную и плохо написанную, пришлось её исправлять и дописывать (вот так создаются мифы!). Потом мой исправленный вариант Фролов вставил в свою патриотическую книжку. В дальнейшем Фролов сделал на Вере Волошиной свою карьеру, и, как говорится, Бог ему судья...

Ну, а я к 70-летию Победы, в 2015 году, опубликовал в «Московской правде» большую публикацию «Поэты и писатели на войне и о войне». И повторил её в журнале «Наука и религия». В моём тексте всё серьёзно, драматично и искренне.

Ну, а в народной памяти прошедшая ужасная война с каждым годом предстаёт всё более лучистой и сиятельной. И враг был какой-то игрушечный и нестрашный, и как говорил актёр Кадочников в «Подвиге разведчика», обращаясь к фашистскому генералу: «Вы болван, Штюбинг!» И до сих пор звучит утёсовская уничижительная песенка о том, что

Барон фон дер Пшик
Покушать русский шпиг
Давно собирался и мечтал.
Любил он очень шик,
Стесняться не привык,
Заранее о подвигах кричал...
...Мундир без хлястика,
Разбита свастика.
А ну-ка, влазьте-ка
На русский штык!
Барон фон дер Пшик,
Ну где твой прежний шик?
Остался от барона только пшик!
Капут!

Над немецким бароном издеваются до сих пор. И современные русские патриоты, не знающие, что такое война, про кровь и страдания, пишут на стекле своих автомобилей: «Мы можем повторить!» Подразумевая дорогу на Берлин. Милитаристский угар. Откуда это взялось? После войны, в 50–60-е, люди пели иное: «Хотят ли русские войны?..» Что-то изменилось в обществе, в стране. Поменялись вектор и тренд. Россия как осаждённый лагерь. Кругом одни враги... Нет, я не политолог и не буду комментировать сегодняшнюю ситуацию (тем более что она может качнуться в любой момент). А приведу несколько трезвых и мудрых высказываний:

«Война – это всего лишь трусливое бегство от проблем мирного времени» (Томас Манн).

«Война – это по большей части каталог грубых ошибок» (Уинстон Черчилль).

«По-настоящему война никому не нужна, но многим нужна ненависть» (Макс Фриш).

На этом и поставим точку.

Футбол в моей жизни

*Ликует форвард на бегу.
Теперь ему какое дело!
Недаром согнуто в дугу
Его стремительное тело...*

Николай Заболоцкий. «Футбол». 1926 г.

*А ударчик – самый сок,
Прямо в верхний уголок!*

*Андрей Вознесенский.
Из сборника «Треугольная груша». 1962 г.*

Футбол – не проходящее увлечение, даже не увлечение, а какая-то особая болезнь – болеть за выбранный футбольный клуб. И поменять его нельзя, он один на всю жизнь. Любимую женщину можно поменять, а клуб-команду нельзя, это на всю жизнь. Будь то «Динамо», «Спартак», «Барселона» или «Бавария» (далее по числу команд в мире).

После турне московского «Динамо» осенью 1945 года в Англию и страстных репортажей Вадима Синявского из Туманного Альбиона я стал профессиональным поклонником (слово «фанат» мне не нравится) динамовцев и вот уже более 70 лет неизменно болею за бело-голубых. Вместе с ними и в радости, и в печали...

А в футбол играл мальчишкой даже до 1945 года. Учился во вторую смену, и после школы при фонарях гоняли тряпичный мяч (о кожаном даже и не мечталось). Тряпичный мяч мастерил Сергей Голубничий, будущий секретарь советского посольства в Вашингтоне. И в этот тряпичный мяч мы самозабвенно играли, моими партнёрами и соперниками были Саша Большаков по кличке Конь, Толя Фомичёв, Борис Ширяев, Коля Алексеев и другие одноклассники (позднее подключился Боря Давидовский, переехавший из Киева в Москву). Играли по схеме, кто пришёл: 2 на 2, 3 на 3, 4 на 4 и т. д. Число не имело значения. Не было и ворот. Брошенные портфели означали штанги ворот. А какой был азарт! Какая бушевала страсть обязательно победить.

Сегодня я смотрю на спортивную площадку во дворе нашего дома с настоящими маленькими воротами, сеткой и... никого нет, никто не играет. У нынешних ребят другие интересы. А я печалюсь: нам бы такую площадку да ещё с кожаным мячом! Нашему военному поколению не повезло...

Я играл в футбол с 11–12 лет и до ветеранских 40 и более лет, потеряв совсем скорость и так и не научившись ловко владеть мячом, «С ног срезаются мячи» (Вознесенский).

Ветераном играл на разных стадионах, где было свободное поле, и на лесных полянах. «Юрок, что ты делаешь?!» – только удивлялся Давидовский. А я если не успевал, то сразу «косил» соперника. «Да, были схватки боевые!...»

Это всё любительский футбол, а на официальном уровне выступил всего лишь один раз на первенстве Москвы среди вузов. Без всякой тренировки вышел играть за сборную Плехановского института и против кого? Против крепких ребят из Института физкультуры. И... А что «и»? И провалился. И пасовал плохо, и мяч не мог отнять. Полное фиаско. Получил вдобавок травму и позорно покинул поле. Стыдно вспоминать...

Итак, никчёмный практик, но отличный теоретик. Изучал книги по технике и тактике футбола. Вёл футбольную статистику: кто сколько сыграл матчей и сколько забил мячей. По двум командам: по «Динамо» (Москва) и сборной команде СССР. Приятельствовал с лучшим статистиком страны Константином Есениным (в нём больше от матери Зинаиды Райх, чем от отца, поэта Есенина).

В 1946 году несколько раз выполнял роль мальчика, подающего мячи на стадионе «Динамо». И подавал мячи в руки прославленных корифеев футбола: Бориса Пайчадзе, Григория Федотова, неповторимого «циркача» Пеки (Петра Дементьева). Ну и всех любимых динамовцев, включая Чепчика (Василия Трофимова) с его молниеносными рывками по краю поля...

В период 1948–1951 годов ходил почти на все московские матчи «Динамо» да ещё и на некоторые игры дублёров. И именно в дубле впервые увидел долговязого Льва Яшина. Болельщиком начинал с безбилетника, с толпою бросавшегося на прорыв мимо контролёров, потом солидно покупал билет на Восточную трибуну. Был период знакомства с динамовским полузащитником Александром Малявкиным, который снабжал меня билетами на престижную Северную трибуну. Ну, а когда я вошёл в состав пресс-центра «Динамо», то получил пропуск и с гордым видом проходил на трибуну мимо толпы фанатов, не сумевших купить билет. А ещё писал программы футбольных матчей на «Динамо» и для Лужников. Чуть было не стал спортивным журналистом и ходил устраиваться на работу в еженедельник «Футбол» к главному редактору Льву Филатову.

Господи, чего только не было: и интервью с игроками «Динамо» и сборной СССР, и футбольные репортажи вёл на радио на Бразилию, и газетные заметки, кажется, последняя в «Вечерней Москве» называлась так: «Конец эры Романцева».

В 90-е годы перестал ходить на стадион и переключился на боление по телевизору по двум причинам: журналистика и писательство съедали всё время, и тратить на футбол с дорогой 3–4 часа было излишней роскошью. А второе: глаза. Плохо стал видеть да ещё свой театральный бинокль обменял на лиры в Италии. Так что исключительно диванный болельщик...

Увы, некогда великий футбольный клуб «Динамо» ныне среди средненьких команд и борется за выживание. Увы и ах. А в 1945 году советские футболисты с литерой «Д» на груди заставили ахнуть весь футбольный мир: 19:9, две победы, две ничьих в Великобритании. Первая игра в Лондоне с «Челси» (Абрамович ещё не родился, нынешний владелец «Челси»). 13 ноября, стадион «Стэмфорд Бридж», 70 тыс. зрителей. Состав динамовцев: Хомич, Радикорский, Семичастный (капитан), Станкевич, Блинков, Леонид Соловьёв, Архангельский («Динамо», Ленинград), Карцев, Бесков, Бобров (ЦДКА), Сергей Соловьёв. Англичане повели 2:0. На 65-й минуте Василий Карцев забил первый ответный гол. Итог: 3:3.

И в честь триумфального турне в Московском театре оперетты был показан спектакль «Одиннадцать неизвестных», где высмеяли звезду английского футбола с условным именем Стенли Мак-Плют! Грубо говоря, побили, как барона фон дер Пшика. Наши – это о-го-го! Все гиганты, как один. Каждый Илья Муромец. Знай наших! Гипертрофированная гордость и зазнайство – это тоже русский менталитет.

Эх, поскромнее надо, товарищи. Поскромнее...

Шахматы

Футбол и шахматы – прекрасное сочетание. Ноги и голова...

В шахматы научился играть, кажется, с 12 лет, с 1944 года, а подогрел интерес к ним широко разрекламированный шахматный радиоматч СССР – США, состоявшийся 1–4 сентября 1945 года. Стране, уставшей от войны, хотелось чего-то мирного и спокойного, а тут ещё дружба с великим союзником – с американцами. Встреча на Эльбе породила столько радужных

надежд! И вот заочная встреча шахматистов: ходы в партии передавались по радио (телевизионные мосты пришли значительно позднее).

Наши шахматисты сидели за столиками с часами в ЦДРИ, американские коллеги – в отеле «Генри Хадсон» в Нью-Йорке. По десять игроков с обеих сторон, по две партии: белыми и чёрными. И советские шахматисты сокрушили американцев со счётом 15,5:4,5. На первой доске Михаил Ботвинник обыграл дважды американского чемпиона Арнольда Денкера. За наших выступали Смыслов, Болеславский, Флор, Котов, Лилиенталь и др. На последней доске – Давид Бронштейн.

Америку защищали два сильных гроссмейстера: поляк Самюэль Решевский и Роберт Файн.

Выиграли! Ура! А в ноябре шахматистов поддержали футболисты: триумфальная поездка «Динамо» в Англию, 19:9. Кругом победы!..

Увлечён шахматами был и я. Даже несколько раз ходил в Центральный клуб железнодорожников и смотрел игры на первенство Москвы. Почему-то из всех шахматистов меня привлекал Соло (Соломон) Флор, родившийся в Западной Украине, а потом выступавший за Чехословакию.

Чудом сохранилась таблица на первенство 6-го класса «Б» (1946– 1947). Первое место занял Володя Половнев, второе – Ю.Б. при 12 участниках. Потом записался в шахматную секцию общества «Трудовые резервы» и играл там в турнирах (руководитель Леонид Щербаков). Получил 3-ю шахматную категорию, не набрал нужных баллов для получения 2-й категории и как-то остыл к шахматам, опять же было некогда и не с кем играть. Но время от времени изучал шахматную литературу и особенно дебюты партий: испанская партия, сицилианская защита, королевский гамбит... Лёгкое знание дебютов впоследствии помогло в игре блиц по 10 и 5 минут на партию. Этой быстрой игрой я увлекался в редакции «СПК» и в Радиокомитете. «Интересно девки пляшут», – приговаривал Лёва Левченко, двигая ту или иную пешку в схватках на радио. Давно это было, и вторя Ноздрёву: «Давненько я не брал в руки шашек...»

В дальнейшем шахматы оставались редким занятием, только тогда, когда появлялся партнёр. Но тем не менее я следил за шахматными событиями и переживал, когда страну покидали выдающиеся шахматисты: Виктор Корчной, 10-й чемпион мира Борис Спасский, 13-й – Гарри Каспаров. Весь был захвачен сражением за шахматную корону между нашим Спасским и американцем Робертом Фишером. Надрывался в песне и Владимир Высоцкий с наигранным возмущением по поводу «этого Шифера»:

Виджу, он нацеливает вилку –
Хочет есть, – и я бы съел ферзя...
Под такой бы закусь да бутылку!
Но во время матча пить нельзя...

Но моё главное достижение – сеанс одновременной игры на 10 досках в пионерском лагере. И если уж не Бобби Фишер, то Остап Бендер точно!..

Ныне шахматы в далёком прошлом, но до сих пор помню имена великих шахматистов прошлого: Цукерторта, Морфи, Стейница, Ласкера, Капабланку, Чигорина, Алёхина... И часто вспоминаю афоризм Савелия Тартаковера: «Самая опасная позиция – выигрышная».

Кино моей юности

И очнулся, и качнулся, завертелся шар земной,

*Ах, механик, ради Бога, что ты делаешь со мной.
Этот луч, прямой и резкий, эта света полоса
Заставляет меня плакать и смеяться два часа.
Быть участником событий, пить, любить, идти на
дно...
Жизнь моя, кинематограф, чёрно-белое кино!..*

Юрий Левитанский. «Кинематограф»

Сегодня кино не играет такой роли, какую играло в судьбе людей в первые десятилетия изобретения братьев Люмьер. Кино тогда не только развлекало, оно учило, воспитывало, формировало вкусы и характеры. Открывало горизонты и давало ориентиры. Кино было мощным «агитатором и пропагандистом». Но в то же время кино утешало, вселяло надежду на то, что всё образуется: трудности будут преодолены, проблемы решены и всё кончится хеппи-эндом – счастливым голливудским концом. Бедные разбогатеют, влюблённые обретут счастье. А порок и зло будут непременно наказаны. Наивное, чистое время! Время великих иллюзий!..

И меня в 40–50-е годы кино учило, воспитывало, развлекало и утешало. Многие картины я смотрел по многу раз: «Весёлые ребята», «Цирк», «Волга-Волга», «Трактористы», «Сердца четырёх», «Небесный тихоход», «Мечта» с неподражаемой Фаиной Раневской: «Так не говорят, но так думают...» Картины можно долго перечислять. И многие актёры были в те годы моими кумирами: Любовь Орлова, Людмила Целиковская, Фаина Раневская, Лидия Смирнова, Михаил Жаров, Пётр Алейников, Астангов и т. д. Много было прекрасных комических артистов: Игорь Ильинский, Эраст Гарин, Плятт, Мартинсон, Сорокин. Перечисляй – не перечислишь. Не любил фильмы про Гражданскую войну, исторические картины, «Иван Грозный» Сергея Эйзенштейна даже пугал. Игнорировал сказочные сюжеты, типа «Садко». То есть не был всеядным, а почти привередливым потребителем кинопродуктов.

Основными кинотеатрами моей юности были «Авангард» (в бывшей церкви) на Калужской (ныне Октябрьской) площади и «Ударник». Это – базовые кинотеатры, а потом уже «Центральный» на Арбате, «Форум», «Уран», «Повторный» и т. д.

Но кроме советских фильмов в послевоенные годы показывали и трофейное кино, ленты, привезённые из Германии, и это было настоящей экзотикой, мало похожей на отечественные поделки. Захватывающая «Индийская гробница», «Багдадский вор» с магическим Конрадом Фейдтом, ленты с Франческой Гааль – «Петер» и «Маленькая мама». Блистательные «Три мушкетёра», полные комического блеска, и многие другие. И, конечно, Дина Дурбин с картиной «Сестра его дворецкого» (и как она очаровательно пела «Очи чёрные»!). Но всё же выделяю другой фильм – «Девушка моей мечты» в советском прокате, а на Западе – «Женщина моих грёз». Это Марика Рокк (или другая транскрипция – Рёкк). Она начинала свою карьеру в различных шоу и варьете Франции, Англии, Германии и США. По национальности – венгерка. Любимая актриса Гитлера и Геббельса. По сравнению с Марикой Рокк наша Любовь Орлова сразу побледнела. Второй сорт. Увы... Если говорить об этом, то надо признать второсортность и всего советского кино, за малым исключением. И все наши популярные актрисы-звёзды на фоне Мэрилин Монро, Софи Лорен, Катрин Денёв и далее по списку всего лишь маленькие звёздочки (играть по большому счёту было нечего, да и операторское искусство хромало).

В 60-е годы распевали частушки Юрия Ханютина:

*Ах вы кины, мои кины,
Кины новые, хреновые,
Нерентабельные...*

С каждым днём работать хуже,

Плана нет – душа горит.
Нет, не нужен «Голый остров» –
Дайте голую Брижит.

То есть голую Брижит Бардо. Но не скоро появилась на экране «Маленькая Вера». А потом наше кино отбросило запреты и приличия и ударилось во все тяжкие. Правда, отдавая предпочтение не сексу (стоп: духовные скрепы!), а мордобоею, тут душа гуляет!..

Конечно, были отдельные прорывы в настоящее мировое кино (Андрей Тарковский, «Комиссар» Аскольдова, Сокуров и т. д.), но в целом всё тонет в серятыне, в сериальщине, так что в кинотеатры я ходить перестал давно, но и ТВ смотрю редко. И извините меня, «Улицы разбитых фонарей» – мне некомфортно. Кому интересно, можно почитать мою книгу «Кино-звёзды. Плата за успех» (2009). А я тем временем обрываю разговор о кино и перехожу к дальнейшей хронике по годам.

13 января 2019 г.

1946 год – Дети двора

После скудного существования в эвакуации московская жизнь была в сладость, с её масштабом и возможностями. Ещё шла война, окна были заклеены бумажными полосками, чтобы стекло не трескалось от взрывной волны. Питались по продовольственным карточкам. И однажды – о ужас! – я их потерял или их украли. Я был в отчаянии, но мама утешила: «Ничего, как-нибудь обойдёмся!» Но ужас потери продкарточек остался в моей памяти...

Итак, мальчишество, 10–14 лет. Учёба и школьная буза. Сначала отличник, потом позиции сдал. Как-то неинтересно было готовить уроки, тем более мама никогда меня не контролировала. Затягивал двор. Хотелось играть, соревноваться. Вот уж точно: тихоней не был. Напротив, сгусток энергии. Целый набор каких-то дворовых игр: прыжки в «козла» и «отмерялы», втыкание ножичков в землю и что-то ещё, что уже совсем не помню. И ещё одно увлечение по весне, когда около тротуаров неслись потоки воды, – пускать кораблики. Кораблики выдалбливал из коры, сооружал на них подобие мачты с парусом. И было жгуче интересно, как несло кораблик по мутному потоку воды. И ещё, начитавшись Жюль Верна, дома любил рисовать свой «Наутилус» с внешней стороны и в разрезе и насыщать его корабельное пространство различными предметами.

Ба! А коллекционирование марок, особенно из экзотических стран. Мама выдавала деньги, и я ездил в магазин филателии на Кузнецкий мост и покупал кусочек чего-то, что никогда не мог бы увидеть воочию...

В те годы я как-то совмещал двор и домашние увлечения. Дома рисование и чтение, во дворе физическое раздолье. Постоянный крик, шум, ор, ссоры, лёгкие тычки в грудь. Весело и привольно. И никакого надзора родителей. Как правило, семьи были неполные: отцы воевали на фронте или сидели по лагерям и тюрьмам. А матери вкалывали, чтобы заработать на хлеб, и им было некогда заниматься и воспитывать своих чад. А чада резвились. Почти махновское гуляйполе.

Сегодня всё иное, по крайней мере в Москве. Вот передо мной номер газеты «МК» от 8 декабря 2018 года, публикация «Боевые мамы против чайлд-фри», и диву даюсь. Новое явление: гиперопека так называемых «интернет-мам». Для этих новых мам забота о детях – нечто вроде соревнований в соцсетях. Как выглядит ребёнок, как одет-подстрижен, во скольких кружках занимается. Эти мамы выкладывают в соцсетях по 20 фоток в день: вот мы поели, вот мы гуляем, вот наши обновы и т. д. Ребёнок для них вроде куклы или любимой собачки.

Ну, а мы в те 40–50-е годы были другими под прессом социальной уравниловки. В основном неблагополучные, бедненькие. Дети неухоженные, вольно играющие во дворах. И только крики вечером: «Петя, хватит играть! Иди домой!.. Маша, сколько тебя можно звать? Мигом домой! Хватит!..»

И никаких оплаченных секций: по танцам, балету, хоккею, фигурному катанию, биатлону, хорошим манерам и этикету и т. д. Были, конечно, кружки в Домах пионеров, но это было сплошное любительство. Это сегодня родители вкладывают деньги в детей, в надежде, что вложенное окупится и «дитя» засветится высокооплаченной звездой...

В моих сверстников Андреев – Тарковского и Вознесенского – никто не вкладывал, они сами ставили себе цель и добивались её и карабкались наверх. Я тоже карабкался, но явно запоздал. Моя дорога была извилистой и с явными отклонениями в сторону. В итоге известность получил, но ни Нобеля, ни Шнобеля. Но это я забежал вперёд...

Возвращаясь к теме двора... Вначале он был основной территорией обитания, и всё же я часто выбирался в центр Москвы. Из Арсентьевского переулка на Большую Серпуховскую, к скверу завода Ильича, а там на трамвай и в центр. Или в отчий дом на Волхонке, в гости к дяде Шуре, Александру Алексеевичу Кузнецову, умельцу с радиозавода, смастерившему самолично

телевизор с малюсеньким экраном и очень неохотно демонстрирующему телекадры своим племянникам и племянницам. В основном наслаждался экраном сам со своей тётёй Симой.

А мой удел – радиопередачи дома, и одна из любимых «Театр у микрофона» и разные литературные композиции: «Тартарен из Тараскона», «Звёздный мальчик» и др. И завораживающий голос актёра Николая Литвинова: «Слушай, дружок!» И дружок слушал. Потрясал монолог Нехлюдова в исполнении Василия Ивановича Качалова про соблазнённую Катюшу Маслову: «Все так... Всегда так...»

В театр ходил, но мало. Но «Синюю птицу» в Художественном видел. Ещё – «Пиквикский клуб», «Мёртвые души», в Театре революции – «Таню» с бесподобной Марией Бабановой... Я регулярно ездил к Большому театру и в киоске покупал репертуарный театральный сборник. Изучал его и знал наперечёт все спектакли и всех исполнителей различных театров.

Мама дала деньги, и я купил в букинистическом магазине два больших альбома, один про Художественный театр, а другой – про театр «Летучая мышь» Балиева. Внимательно читал, имена Москвина, Книппер-Чеховой, Андровской, Ершова, Яншина и других корифеев МХАТа мне были близки. Знал и тех, кто эмигрировал в первые годы после революции во время зарубежных гастролей, – Михаил Чехов, любимец Станиславского Ричард Болеславский, который в январе 1920 года перебрался в Польшу, там играл и ставил спектакли.

О театре можно написать много, но в специальной главе. А пока заглянем в «ТАБЕЛЬ ОЦЕНКИ ЗНАНИЙ, ПОВЕДЕНИЯ И ПРИЛЕЖАНИЯ УЧЕНИКА». 6-й класс «Б», 1946–1947 годы.

Забавная маленькая тетрабочка: полный набор всех оценок, от пятёрок до двоек. Высшие оценки по истории, географии, литературе и иностранному языку, низкие – по алгебре, физике... и мелким бисером (места мало) записи учителей для сведения родителей: не сняв шапку, прошёл в класс... неоправданно пропустил учебный день... прогул учебного дня... отказался на предложение учителя выйти из класса... никогда не бывает на своём месте... (Когда я прочитал об этом Ще, она отреагировала точно: «Летучий голландец!»)

Табель тянет за собой шлейф воспоминаний, и почему-то вспоминается, как в каком-то классе появился новенький: рослый парубок, приехавший из Киева, – Борис Давидовский, и на каком-то уроке или на внеклассном чтении разбирали пушкинских «Цыган», и Борис мямлил строки:

Земфиры нет как нет: и стынет
Убогий ужин старика.

Все попадали с парт. Борис никак не тянул на романтического Алеко, а тем более на решительную Земфиру. Но с тех пор имя Земфиры накрепко приклеилось к новичку.

Ну, а меня в школе многие звали Демоном. За немного романтический и загадочный облик и за эмоциональное чтение лермонтовской поэмы:

Печальный демон, дух изгнания,
Летал над грешною землёй,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснились толпой...

И надо отметить, что в те молодые годы по духу мне больше соответствовал Михаил Юрьевич, чем Александр Сергеевич. Мне импонировали дух мятежа и неприятия того, что окружало поэта.

В январе 1946 года произошла литературная катастрофа: вышло постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград». И начались мракобесные танцы. О том, как уби-

вали Зощенко и травили Ахматову, я написал спустя долгие десятилетия в книге «69 этюдов о русских писателях» (2008). Кто любопытный, может достать книгу и прочесть. Мне в 1946-м было 14 лет, и я, конечно, не мог понять глубину произошедшего. Я не читал Михаила Зощенко, но слушал, как его читают артисты по радио. Например, знаменитый рассказ для детей «Ёлка» о Лёле и Миньке, как они снимали подарочные украшения в виде сладостей и фруктов.

«...Лёля говорит:

– Если ты второй раз откусишь яблоко, то я не буду больше церемониться и сейчас съем третью пастилку и вдобавок возьму себе на память хлопущку и орех.

Тогда я чуть не заревел. Потому что она могла до всего дотянуться, а я не мог».

Этот прелестный рассказ для детей, а ещё я с удовольствием слушал по радио рассказ для взрослых «Аристократка», в исполнении, кажется, блистательного артиста Театра сатиры Владимира Хенкина. Герой рассказа Григорий Иванович признаётся друзьям: «Я, братцы мои, не люблю баб, которые в шляпках». И рассказывает, как сводил одну такую в шляпке в театр, а там, в театре – буфет, а в буфете блюдо с пирожными. А далее:

А далее в рассказе такой сюжет: дамочка «кушает второе пирожное», третье «и берёт четвертое».

«Тут ударила мне кровь в голову.

– Ложь, говорю, взад!..»

А потом герою пришлось за всё заплатить, и он обратился к дамочке: «докушайте», а она сконфузилась. Тут появился какой-то дядя:

«– Давай, – говорит, – я докушаю.

И докушал, сволочь. За мои-то деньги...

Так мы с ней и разошлись. Не нравятся мне аристократки» (1923).

А вот мне лично очень понравился богемно-аристократический Александр Вертинский, мне повезло: я был на одном его полужакрытом концерте. И был покорён его исполнением песен и ариеток. Тут же многое выучил и часто напевал: «Где вы теперь? Кто вам целует пальцы?..» Мне это было как-то ближе, чем широко популярное: «Броня крепка, и танки наши быстры...»

Что делать: по натуре я нон милитар, а индивидуал, тяготеющий к локальности и интимности.

3 января 2019 г.

1947 год – 14/15 лет. Гуляйполе

Второй послевоенный год. Страна залечивала раны. 14 декабря отменили карточки на продовольственные и промышленные товары. Нехватки ощущались всего. Жизнь далеко не сытая, скудная, все одеты кое-как, многие donaшивали военные шинели. Мама старалась что-то перешить и перелицевать из старого, и поэтому я был одет ещё более или менее, в отличие от многих одноклассников. Заказов у мамы было много, и машинка «Зингер» не переставала стучать. «Строчит пулемётчик...»

Ну, а мне 2 марта исполнилось 15 лет, вполне рабочий возраст, но я о работе и о своём будущем даже не помышлял, да никто и не подталкивал.

Хорошо помню, как в класс не входила, а буквально врывается учительница английского языка Марина Георгиевна Маркарьянц с криком: «Ну, лодыри, ну, бездельники, ну, оболтусы, опять не выучили уроки?!» И класс одобрительно гудел. Среди лодырей и оболтусов ходил и я со своим приятелем Андреем Тарковским (никто не мог догадаться, что Андрей – будущая звезда кинематографа). Но были в классе и несколько отличников, среди них – Игорь Шмыглевский, опять же будущий знаменитый физик. Класс был неровный: отличники; способные, но ленивые и третья категория: серые троечники... Все были шумные, крикливые, драчливые. Однажды мы повздорили с Борисом Ширяевым и дрались в течение всего учебного дня во время переменок. Помахали кулаками, сели за парты, звонок – и опять драка...

Но чего не было тогда у нас в классе, в школе и во всей стране, так это социального неравенства, деления на бедных и богатых, была, конечно, разница в достатке, но несущественная. Но не было ни просторных квартир, ни коттеджей, ни автомобилей, ни драгоценностей. И соответственно, не было презрения богатых к бедным, взглядов сверху вниз, унижения. Это сегодня читаю про миллиардеров Арашуковых – отца и сына – из Карачаево-Черкесии, и только развожу руками, как такое можно? Теперь можно, и наследный принц империи Арашуковых, когда учился в школе, платил по 500 рублей одноклассникам, чтобы те завязывали ему шнурки на ботинках... Это то, к чему мы сегодня пришли: к вопиющему неравенству и цинизму отдельных представителей элит. А в 1947 году и слово такого «элита» не знали... (7 марта 2019 г.)

Но вернёмся назад, в прошлое.

Открываю ещё один сохранившийся табель оценки знаний, где вторым пунктом правил для учащихся значилось: «Прилежно учиться, аккуратно посещать уроки, не опаздывать к началу занятий в школе». И 20-й пункт: «Дорожить честью своей школы и своего класса, как своей собственной». Увы, я не дорожил и учился спустя рукава. Не было старших, чтобы кто-то за мной следил, наставлял, убеждал, что школа – это необходимый фундамент для жизни. Маме было некогда. Она, что называется, вкалывала за машинкой, чтобы прокормить свою маленькую семью да ещё помогать младшей сестре Маше с её двумя маленькими детьми. С мамы никакого спроса. Я показывал ей свой табель, а она только укоризненно качала головой. И никакой брани в мой адрес.

Смотрю на сентябрьский табель: алгебра – три тройки и одна двойка, Конституция – двойка, химия – двойка. Декабрь – даже по любимой литературе – двойка, хотя в апреле – неожиданно по физике – пять. Годовые оценки: 5 – по литературе и истории, а ещё по физкультуре. И единственная двойка по черчению... Это 7-й класс.

В книге «Самиздат века» приведено несколько популярных самодельных школьных песен, только непонятно, в какие годы они были созданы, но это не важно, важна суть. Вот на мотив «Раскинулось море широко»:

Товарищ, не в силах я химии сдать,

И алгебра мне надоела,
В глазах теоремы столбами стоят,
Черчение душу отъело.
Он вышел из класса – сознания нет,
В глазах у него помутилось...
Упал он на чистый школьный паркет,
Упал, сердце больше не билось...

Но главное: перешёл из 7-го в 8-й класс. Нет, главное было другое: гуляние и встречи с девочками. Очередная Клава Леонова, младшая сестра, а мой напарник по встречам Витя Крючков – со старшей. Как раз на тот год выпал праздник 800-летия Москвы, и я умудрился в компании вдрызг напиться. Больно вспоминать... А ещё в том году мы со Славкой Саввой, можно сказать, не вылезали из парка Горького, и перед глазами проплывали вереницы девочек. Все они не являлись личностями, а по существу представляли лишь функции особей в юбках. Ледяное сердце юноши даже не вздрагивало. Вздрагивание пришло позднее...

1948 год – 15/16 лет. Стиляга

Собственно, дневник я начал вести 9 ноября 1948 года, в 16 лет, с такой примечательной фразы: «Снова дома вместо школы». То есть прогулышник. Что сказать с позиции лет? Конечно, был глупый. Конечно, был наивный. И конечно, не задумывался о своём будущем.

Первые тетради дневников по соображениям семейной цензуры я уничтожил, о чём сегодня очень сожалею. Но последующие дневники, начиная с 1950 года, сохранил. Уничтожил 1948 год, жалко провала в хронике лет, и поэтому попытаюсь что-то восстановить по памяти.

Энциклопедический справочник Larousse выделил в политической жизни СССР несколько событий: восстание заключённых Печорских лагерей, убийство в январе спецслужбами выдающегося актёра Соломона Михоэлса и смерть в августе 52-летнего Андрея Жданова, отвечающего в Политбюро партии за культуру в стране и ставшего инициатором зловещего постановления ЦК о литературных журналах.

Итак, Жданов умер, и, казалось бы, мне, ученику, закончившему 7-й класс и перешедшему в 8-й, дела нет до сталинского сатрапа (конечно, таких слов я тогда не произносил и не знал их, до разоблачения культа личности тогда было ещё далеко), и тем не менее дату 31 августа я запомнил. Мы с дружкой Славой пошли в парк Горького на танцверанду «шестигранника» потанцевать, – и облом: «в связи со смертью товарища Жданова все культурные мероприятия отменяются». Мы не скорбели, мы, мягко говоря, огорчились: при чём тут Жданов, когда всем молодым хочется потанцевать, постилять...

И тут, разумеется, есть повод поговорить о танцах и джазе. Соседка по дому Лида Николаева начала меня учить танцам лет в 14 – танго, фокстрот, вальс почему-то не давался. А потом в моду вошёл американский джаз, разные там буги-вуги, и молодёжь с ума сходила по музыке, исполняемой оркестром Гленна Миллера, Дюка Эллингтона и других джазистов. «Александр регтайм», «Караван» и прочие музыкальные шлягеры. Не буду сейчас напрягать мозги, а лучше процитирую свою публикацию «Сан-Луи – город нашей юности», напечатанную в январском номере 1997 года газеты «Мир печати» (и такая была). Вот этот текст:

Сегодня никого ничем не удивишь. Ни войной, ни модой, ни сексом, ни некрофилией, ни киллерством – ничем. Привыкли. С экрана и с эстрады можно увидеть и услышать такое!.. Хорошо ли, плохо ли, но можно... А вот были времена совсем другие. Светлые, советские. О них некоторые седовласые граждане льют слёзы. СССР как оплот мира и социализма, ни преступности, ни проституции, – порядок, как в казарме. И тишина! Только по праздникам литавры, пафос и ликование под портретами вождей. Золотые гулаговские времена!

Когда это было? Конец 40-х – начало 50-х годов. Нам по 16–18 лет, и мы бросаем вызов обществу. Нет, не политический и не экономический (об этом не могло быть и речи!), а примитивно бытовой. Мы против серых неказистых одежд. Мы против бодряческих и маршевых песен. Мы – это так называемые «стиляги», – за новые отношения между молодыми, где есть место не только подвигу, а простым человеческим «вещам» – любить, петь, танцевать, веселиться. Мы как бы инстинктивно чувствовали, что с возрастом ЭТО пройдёт, и старались своё получить сполна.

О, Сан-Луи, город стильных дам,
Крашенные губы он целует там.
Девушка хохочет,
Полная любви огня,
С ней мой любимый хочет
Позабыть меня...

«Сан-Луи» – одна из любимых песенок стилияг, хотя по тексту и немудрящая, и глупенькая.

В те годы было много популярных песен. И про артиллеристов, которым «Сталин дал приказ», и про весёлый, вольный ветер, который «обшарил всё на свете», и про паровоз, который летит вперёд, а там впереди – «в коммуне остановка» и т. д. Но почему-то подобное петь не хотелось, тем более открыто призывное: «Вперёд, в поход, герои-патриоты, / Родной страны – родные сыновья, / Стрелки, танкисты, снайперы, пилоты...» А если я, к примеру, не танкист, а артист балета, то что тогда? Ты родине не нужен?..

Нет, нам, молодым, не хотелось всего этого официального и насквозь пропагандистского, душа требовала иного – камерного, личного, интимного, чего-то иностранного, вроде «Бесаме мучо» – что-то тягуче завлекательное...

Стилияги – обычные парни, которые жаждали новизны и поэтому с упоением пели: «Падн ми, бойз, из дет Чаттануга-чуча!..»

Всё это прорывалось сквозь железный занавес и запреты на всё чужое, иное. А как известно, всё запретное всегда сладкое, и мы с придыханием смотрели и «Серенаду солнечной долины», и «Девушку моей мечты», и прочие западные фильмы.

Расскажи, о чём тоскует саксофон,
Голосом своим терзает душу он...

Или вот ещё была иностранная песенка с русскими дурацкими словами: «Мы идём по Уругваю, / Ночь – хоть выколи глаза. / Слышны крики попугаев / И гориллы голоса...»

Охочих до «Уругвая» и «Сан-Луи» хватала милиция, их прорабатывали на комсомольских собраниях, о них печатали хлёсткие фельетоны, короче, боролись в «нездоровыми явлениями в молодёжной среде». Сага о стилиягах неизменно попадала в рубрику сатирического журнала «Крокодил» – «Вилы в бок». Печатались язвительные басни, типа:

Ты его, подруга, не ругай!
Может, он залётный попугай,
Может, когда маленький он был,
Кто-то его на пол уронил...

Но били по стилиягам и похлеще, с политическим прицелом:

Сегодня он играет джаз,
А завтра родину продаст...

...Сегодня умудрённый опытом, седой и уже старый, я с завистью смотрю на молодых, но при этом мало что понимаю в их новой молодёжной субкультуре: у каждого поколения свои песни, своя «Чуча». И Бог им в помощь!.. (Перепечатано с сокращениями 17 декабря 2018 г.)

Ещё немного добавлю в тему. 25 января 1996 года писатель и драматург Виктор Славкин, с которым мы вместе снимались в ТВ-сериале «Старая квартира», подарил мне свою книгу «Памятник неизвестному стилияге» с дарственной надписью: «Юрию Николаевичу мой посильный вклад в библиотеку». В книге Славкина представлена снискавшая большую популярность пьеса «Взрослая дочь молодого человека», посвящённая воспоминаниям компании повзрослевших стилияг.

«Наш Бэмсик – первый стилига факультета, король джаза. А как ходил, как ходил!.. небрежно! На голове кок. Галстук с драконами болтается по полу... пиджак, плечи на вате – во! „А мой пиджак, а канареечного цвета, тот не чувак, кто не носит узких брюк...“»

Славкин привёл в своей книге много всяких перлов: и как восхищались стилигами, и как ими возмущались, девушки-патриотки решительно говорили: «Я не лягу / Под стилигу...»

Но вернусь к себе. Я танцевал на многих верандах и площадках: парк Горького, Сокольники, Мытищи, ресторан «Москва», дворец ЗИС (потом сменили на Лихачёва), «Спорт», клуб «Каучук» и т. д. В кинотеатре «Ударник» с упоением слушали выступление джаз-оркестра под управлением Лацци Олаха перед сеансом кино.

В 1952 году умерла мама, я женился, и музыка ушла от меня в сторону. Но когда где-нибудь я слышу джазовые импровизации, я вздрагиваю, как конь, вспоминающий бега на ипподроме. И я готов запеть: «Были когда-то и мы рысаками...» Ну, и стилигами тоже. Как сказал поэт:

Это было давно, я не помню, когда это было.
Может быть, никогда...

И последняя фраза: было. Было! Однако увлечение джазом и танцами очень мешало учёбе в школе. Увы...

Надо заканчивать тему о том, как я был стилигой. Недолго: года три (1948–1950). Это было время увлечения так называемым «стилем». К ботинкам прибивались металлические маленькие подковки, что создавало эффект пристукивания, что-то вроде степа. Не случайно в театре «Летучая мышь» у Гурвича спустя годы шла ностальгическая постановка «Я степую по Москве». Танцы «стилем», демонстрационные прогулки по улице Горького, по «Бродвею», где был тогда притягательный первый в Москве «Коктейль-холл». И всегда была очередь, чтобы попасть туда, на второй этаж, заказать какой-то коктейль и медленно тянуть его через соломинку. И воображать, что мы не в Москве, а где-то «в притонах Сан-Франциско», и не хватало одного: лилового негра, который подаёт даме манто... О господи, сколько во всём этом было глупости.

В 1952 году все эти танцы-шманцы закончились, уже было не до них: передо мною встали реальные проблемы жизни. И танцплощадки были забыты, именно тогда, когда «стиль» уступил место новому увлечению – рок-н-роллу с элементами акробатики. А затем массы увлёк твист, и все безумно стали твистовать, изображая в танцевальных движениях профессию полётёра. Позднее появилось что-то ещё и т. д. Но это уже, как выразился безвременно ушедший поэт Борис Рыжий и по другому поводу: «Но только без меня...»

Ну, в заключение: покаяние. Каюсь. Я совершил маленький акт предательства к своему прошлому, к своему стилижеству, и в пору студенчества в плехановской многотиражке «Советский студент» тиснул стишок на злобу дня, бичующий московских стилиг, под названием «Очнись, одиночка!». Вот начало этого позорного стихотворения:

Подчас и так у нас бывает:
В занятиях избрав особый стиль,
Он лекции почти не посещает,
Но всё ж пустить в глаза умеет пыль...

Ну и ударная концовка (чёрт дернул меня написать такое, а может, нависшая надо мною тень Сергея Михалкова?):

...Его забота – только быть красивым

И на груди чтоб галстук был не крив...
А ну, очнись, красавец-одиночка!
Взгляни на жизнь своей родной страны,
Не танцевальные шажочки,
А трудовые нам нужны шаги!

Оп-па! Деканат, ректорат и администрация Плехановского института были довольны: какие у нас есть ПРАВИЛЬНЫЕ студенты!.. А свой стыд за содеянное я тихо спрятал в тряпку... (4 января 2019 г.)

Пока пишешь книгу, появляются всё время какие-то дополняющие публикации. И вот рецензия в «МК» о премьере мюзикла «Стиляги» в Театре наций – «Два мира – два Шапиро». Повторение киномюзикла Валерия Тодоровского в театральном варианте. Как написано в рецензии: «Сюжет построен на гиперболизированном конфликте между двумя образами жизни: советским – замкнутость, уныние, сплошные запреты и маршевый коллективизм, доведённый до тупости, и как бы американским – свобода, раскованность, многоцветность, рок-н-ролл, доведённый до идиотизма. В общем, „два мира – два Шапиро...“»

Такая вот трактовка спустя десятилетия. Ладно, не заикливаемся и читаем-бежим дальше. Счётчик жизни стучит остервенело... (7 марта 2019 г.)

1949 год – 16/17 лет. «Я хочу одной отравы – пить и пить стихи!»

Закончил далеко не блестяще 8-й класс и перешёл в 9-й. 2 марта исполнилось 17 лет. Будучи абсолютно свободным от домашней опеки и контроля со стороны мамы, я вёл вольную и беспорядочную жизнь: развлечения, танцы, книги, стихи, поиски собственного «я» и т. д. Никакой системы, всё в хаосе и в сумбуре. Домашний беспризорник.

В школе в комсомол не приняли (успеваемость, поведение), но об этом нисколько не жалел, мне даже нравилось быть белой вороной. В своём классе пытался верховодить и водил дружбу с двумя старшеклассниками – Димулей Тюремновым (его отец был артистом в Музыкальном театре Станиславского. Фамилия Тюремнов – явно для оперетты) и Женькой Рубцовым. Нас сблизил общий язык и тяга к юмору. Мы в основном говорили на языке Остапа Бендера и других героев «12 стульев» и «Золотого телёнка»:

– Дышите глубже: вы взволнованы!

– А может быть, вы хотите, чтобы я дал вам ключ от квартиры, где деньги лежат?

– Ну, что, лёд тронулся?

– Крепитесь... Запад нам поможет.

И так далее. Позднее я с восторгом читал «Записные книжки» Ильи Ильфа. Вот несколько записей:

«– Все талантливые люди пишут разное, все бездарные люди пишут одинаково и даже одним почерком.

– Никто не будет идти рядом с вами, смотреть только на вас и думать только о себе.

– Он посмотрел на него, как царь на еврея. Вы представляете себе, как русский царь может посмотреть на еврея?»

Ильф умер рано, в апреле 1937 года, когда мне исполнилось 5 лет. О своём любимом писателе я написал эссе «Великий комбинатор сатиры и юмора» и поместил в книгу «Золотые перья» (2008). Илья Арнольдович умирал тяжело. И физически, и морально: «Тяжело и нудно жить в краю непуганых идиотов». И, предчувствуя террор, говорил: «Кирпич летит».

В 1949 году «Стулья» и «Золотого телёнка» переиздало издательство «Советский писатель» и попало под раздачу. Критики изгалялись: «Это книжка для досуга, для лёгкого послеобеденного отдыха» (А. Зорич). «Пустой юмор ради юмора» (Борис Горбатов, автор патристического романа «Непокорённые»).

Но вернёмся в 1949 год.

В январе 1949-го развернулась разнузданная кампания против «безродных космополитов и низкопоклонства перед Западом». 16 марта в «Литературной газете» появилась статья под заголовком «Убрать с дороги космополитов». Мишенью нападок стали деятели науки и культуры...

21 декабря широко и торжественно отмечалось 70-летие вождя. «Правда» вышла с обращением к «товарищу Сталину – великому вождю и учителю, продолжателю бессмертного дела Ленина». Воздух был наполнен славословием, а в небе прожектора высвечивали портрет гениального Иосифа Виссарионовича...

Я жил в это время. В 1949 году мне было 17 лет. Мой космос располагался в основном в Замоскворечье, между Серпуховской улицей и Даниловским рынком. То, что происходило в мире и в Советском Союзе, пролетало мимо меня по касательной. Я был растворён в своих увлечениях: девочки, джаз, танцы, поэзия, футбол и немного шахмат. О литературных процессах ничего не ведал, лишь доносились какие-то обрывки новостей. Настоящая историческая память о прошедших годах пришла с опытом и возрастом.

Эпоха книг и авторов изъятых,
Эпоха выдвижения прохвостов... –

как написал неведомый мне студент-фронтовик М. Качкурин.

Полного дневника за 1949 год уже нет, но сохранились какие-то отдельные даты и описания. Основной танцевальной площадкой был клуб «Спорт» в начале Ленинградского шоссе. Моей лучшей партнёршей была Зоя Петрова, но, увы, положившая глаз на моего взрослого друга, студента Архитектурного института Виктора Шерешевского. Мне оставалось найти замену, и нашёл в двух татарочках, сёстрах Ахметовых – Зое и Розе. Бурный юношеский роман. Но были и другие «кандидатки в фаворитки», как выразился Игорь Северянин (поэма «Валентина»). Так вот, этих Валентин были десятки, хотя никаким Дон Жуаном и Казановой я не был, так, какой-то жалкий ученик, всего лишь подмастерье любовных дел, да ещё с литературными претензиями. Вот строки, написанные 7 октября 1950 года:

Я долго слонялся по свету,
Искал бесконечно красивых,
Искал беспредельно влюблённых
И верных любви и завету.
Но мне попадались другие,
С мечтой для меня непонятной,
С душой для меня незнакомой, –
Друг другу мы были чужими.

Лето 1949-го я провёл на даче в Тайнинке, у маминой тётки – бабы Лёли. Она сдала комнату на втором этаже моей знакомой студентке Ляле (Брониславе Шнейдер), а потом уже её друзья, студенты, появились в соседних дачах, и образовалась весёлая студенческая компания, мне, школьнику, всё это было в отраду и в опыт. Играли в волейбол и домино, ходили в лес, ездили в кино в Мытищи, а главное, о чём-то пылко говорили, спорили, обсуждали. Потом Ляля познакомила меня со своей подругой, студенткой исторического факультета МГУ Светланой Растопчиной, и 7 ноября, на праздник Октября, мы с Игорем Горанским были приглашены в правительственный дом на Берсеневской набережной, в Дом на набережной (по книге Юрия Трифонова).

Мне было 17, Светлане – 22 года, но она не ощущала возрастной разницы и «купилась» на мой более взрослый внешний вид. В её квартире собралась шумная компания, пили-пели-говорили, а потом в ванной я и Светлана упоённо слились в поцелуе. И ничего другого эротического и сексуального. А было смешное: узнав о новом романе, Ляля спросила меня: «Теперь ты на Светлане женишься?» Такие вот были инфантильные студентки советской поры.

Любовь была бурной и краткой, и я подарил Светлане свой школьный доклад о Байроне (единственный экземпляр!). А может, не любовь, а всего лишь любовное тяготение друг к другу. Несколько встреч в 1950 году, – и всё. Финита ля амор!..

Кончились страсти, кончились муки.
В спокойствии дни так тихо идут.
Уже не хочу целовать твои руки:
Новые дали меня влекут.

Читаю сегодня всё это и думаю: приткий был юноша! В тот год много читал, игнорируя школьные учебники, и много писал стихов. Разных, но с креном в одиночество и тоску, типа «Рыцарь печальный, красивый и нежный...». Вот стихотворение от 15 декабря:

Чувствую, что прогнил я весь
В тоске, в одиночестве и печали.
Вот перед вами стою я здесь
И слышу: «Боже, какой вы стали!..
Раньше вы милым таким были,
Смеялись, резвились – ну, как дитя.
Скажите по совести: почему вы взвыли?
Может, от боли, кого полюбя?...»
Что же ответить могу вам на это?
Обрывки слов застревают во рту.
Может, вам скажет то, что стал я поэтом –
Мысли и чувства в кошмарном чаду...

3 мая написал стих под Маяковского, нещадно ругал Америку (чем она не угодила? Непонятно):

...Человеку в Нью-Йорке нечем дышать.
Даже нельзя спокойно пожрать –
В ресторане рёв соло,
Повсюду реклама «drink Cola».
А если пойдёшь в кино, то там
убийства и яд.

Да. Что можно сказать сегодня (а сегодня – 19 декабря 2018 года) об этих строчках? Яд советской пропаганды проникал в каждого из нас, в старых и малых.

Другое дело – под Киплинга. Знаменитое: «Из Ливерпульской гавани всегда по четвергам / Суда уходят в плаванье к далёким берегам...» И вот «наш ответ»:

В Бразилии, в Бразилии
Под крики какаду
Одетый в белоснежное
По улицам иду.
Широкополое сомбреро
Одето набекрень.
И небо голубое
На землю струит лень...

Фантазийная картинка. Как Киплинг: «И я хочу в Бразилию – к далёким берегам...» И что ты думаешь, мой уважаемый читатель? Через 17 лет, после написания этого «хочу», я начал работать в Радиокomiteте, в отделе радиовещания на Бразилию. Кульбит судьбы!..

А вот как я писал в стиле декаданса, начитавшись поэтов Серебряного века:

*Раздался звон – разбилась страсть.
Горит закат в пурпуре.
Над телом потерял я власть,*

Оно трепещет в буре.

*Повергнутый души тюльпан
Разнёсся в огненные блики.
Исчез уж благовонный фимиам
Под возгласы и крики...*

30 ноября 1949 г.

И вдогонку, через 4 дня:

Призрак явился ко мне,
Одетый в соблазны счастья.
Веером страсти разбил он ненастья, –
И счастлив я был вполне.

Но призрак есть призрак.
В декабрьский день
Покинул, ушёл он в туманную сень,
Ведь призрак – сквозь призму рок.

Для одноклассников 8-го «Б» это был удар под дых: знай наших! И крестьяне писать стихи умеют!..

И когда катил этот вал декадентщины, я предложил Андрею Тарковскому, с которым мы сидели на одной парте, написать совместный стих: строчку он, строчку я. Учителя мы не слушали, он что-то нам объяснял и рассказывал, а мы, два шалопая, принялись строчить. И вышло целое стихотворение в день 30 ноября 1949 года. Привожу только начало:

Проходят дни густой лиловой тенью,
Летят на крыльях звонкой тишины.
Пришёл, уснул под гробом чёрной сенью,
Увидел сероскучной жизни сны...

И концовка:

В печальном шёпоте страданий,
Окутанная синей пеленой,
Судьба мне подарила на прощанье
Эдельвейс, оплаканный тобой.

Далее цитата из книги «Избранное из избранного плюс Салат воспоминаний» (2015). В эссе об Андрее Тарковском я писал:

«Удивительно: ровесники бредили Котовским и Чапаевым, считали, что „броня крепка, и танки наши быстры“, а тут – тишина, гроб, эдельвейс и жизнь, проходящая „лиловой тенью“. Да, мы тогда были настроены так: романтизм сочетался с декадансом, нам с Андреем как бы передали эстафетную палочку Серебряного века...»

Прибавим болельщицкие страсти. Да, был страстным болельщиком (слово «фанат» ещё не появилось). Ходил на матчи любимого клуба и отчаянно болел. 1949-й был одним из удачных годов в летописи «Динамо». Уверенная и, можно сказать, блистательная победа в чемпионате СССР. Несколько матчей врезались в память.

2 мая – с ЦДКА, с тогдашним основным соперником. Судья – Латышев, состав динамовцев: Хомич, Петров, Семичастный, Пётр Иванов, Блинков, Леонид Соловьёв (капитан), Бесков, Конов, Сергей Соловьёв (Карцев), Малявкин, Владимир Ильин. А после матча Александр Фомич Малявкин пригласил меня и одного своего старого друга к нему домой на Самотёчную отпраздновать победу. Много пили и за «Динамо», и за Родину, и за Сталина. А потом мне стало плохо и меня приводили в чувство. Как доехал домой на троллейбусе № 10 по Садовому кольцу и дальше по Мытной – не помню.

30-летнему Малявкину, здоровому мужику и спортсмену, было хоть бы хны, а 17-летний почти нежный юноша сломался. Больше таких пьянок с Малявкиным не было. Только пиво. А однажды из Еревана он привёз мне пару вкуснейших груш. По дружбе и симпатии... Ещё знаменательный матч с «Зенитом», 12 июня, который на старте вырвался вперёд, и все волновались, как сыграет «Динамо». Динамовцы выиграли триумфально – 8:0. Три гола забил Александр Малявкин. 5 августа игра с «Шахтёром» (Сталино). С рекордным счётом 10:1. Четыре гола забил Константин Бесков. И, наконец, интереснейшая и драматическая игра со «Спартаком» – 1 октября – 5:4. Стадион кипел от восторга (футбол в 40-х – спорт № 1). В ходе матча дрогнул «тигр» Хомич, и мудрый тренер Михей (Якушин) поменял его на молодого грузинского вратаря Вальтера Саная.

Не удалось «Динамо» сделать дубль: проиграли в финале Кубка СССР московскому «Торпедо», зато с блеском выиграли международную товарищескую игру с будапештским клубом «Вашаш» (венгры были тогда в фаворе. Имена Пушкаша, Кочиша, Грошича звучали, как сегодня Месси и Роналду). Динамовцы раскатали венгров – 5:0. А сегодня некогда славному «Динамо» грозит вылет во вторую группу – ФНЛ. Но какие остались воспоминания! Под знаменитый марш Матвея Блантера! «Динамо» – как великая Римская империя Цезарей. А что нынче Италия в глобальном мире? Заурядная европейская страна...

20 декабря 2018 г.

1950 год – 17/18 лет. Школьные проблемы: переход из дневной школы в вечернюю школу рабочей молодёжи

Первый самиздатовский дневник «Наедине со временем, или Дневник интеллигента в очках» (2011) начинается именно с 1950 года, с эмоциональной записи великовозрастного 17-летнего школьника, оказавшегося в бурном житейском море без руля и без ветрил. Без родительского контроля, без советов взрослых наставников, предоставленный самому себе. Отсюда метания, поиски, ошибки, заблуждения, отчаяние, нащупывание собственного «я». Ну, а ещё разыгравшиеся гормоны, зов пола. Поэтому, читатель, будь снисходителен и не критикуй «юношу бледного со взором горящим», по определению Валерия Брюсова.

Вот обложка той первой книги.

Наверное, имеет смысл привести и маленькое предисловие той первой самиздатовской книги с пространным эпиграфом:

«Вместо того чтобы печатать роман, я начал писать дневник. Читатель увлекается мемуарной литературой. Скажу о себе, что и мне гораздо приятней читать мемуары, нежели беллетристику... Зачем выдумывать, „сочинять“. Нужно честно день за днём записывать истинное содержание прожитого без мудрствований, а кому удаётся – с мудрствованиями...»

Юрий Олеши. 5 мая 1930 года

Дневник – жанр древний и весьма распространённый. Кто только не вёл дневники – писатели, учёные и простые люди. Многие из дневников известны и стали знаменитыми: записи царского цензора Александра Никитенко, Льва Толстого, Достоевского, Корнея Чуковского, братьев Гонкур, Жюль Ренара, Анны Франк и т. д. Одно перечисление имён тех, кто фиксировал события своей жизни и свои размышления о ней, заняло бы множество страниц. Все писали о себе и о мире, о том, что заботит и тревожит, но суть, кажется, всех дневниковых исповедей выразил Иван Бунин в короткой записи от 1 января 1943 года: «Господи, спаси и помоги».

У моего ровесника Андрея Тарковского в книге «Мартиролог» – так он назвал свой дневник – есть запись: «Очень плохо себя чувствую. Поджимает сердце и ужасно болит затылок... Вечером был у Юры Безелянского. Он очень милый...» (28 марта 1981 г.)

Далее какой-то обрыв записи. Ну, не важно. Важно, что упомянул. А что коротко, то понятно: для Андрея я не был Хемингуэем и не Феллини, а всего лишь товарищ по школе.

Ну а теперь о своём дневнике. Дневник я начал вести 9 ноября 1948 года, в 16 лет, с такой примечательной фразы: «Сижу дома вместо школы».

Конечно, был глупый. Конечно, был наивный. Но очень хотелось разобраться в себе самом. Хотелось исповедоваться и каяться.

– Кайся, кайся! – сурово ответил монах.

А другой отозвался: – Аминь! – как говорится в народной английской балладе «Королева Элинора» в переводе Самуила Маршака.

Первые тетради дневников я уничтожил, о чём сегодня сожалею, но последующие, немного самоцензурированные, сохранил. И вот на руках бесчисленное множество дневниковых записей, написанных сначала от руки, затем отпечатанных на машинке. Всего 68 тетрадей, и это примерно около 7 тысяч страниц. Левиафан, а не дневник. Около семидесяти лет жизни, начиная с сохранившегося 50-го года XX столетия. Издать всё невозможно да и не нужно, много излишних личных подробностей и мелких деталей. Поэтому я решил сделать нечто избранное из дневников. Отобрать только то, что, на мой взгляд, может представить интерес, особенно для молодых, тем более что в записях отражена фоном жизнь страны. И в ней тоже многим читателям хочется разобраться – в СССР, в советских реалиях.

Это книга о СССР без ностальгии. Никакого фимиама и никакого восторга. Всё как было, без приукрашивания и патриотического флёра. Жизнь при Сталине, Хрущёве, Брежневе и других коммунистических вождях. Вместе со страной я шагал от социалистического строя к капиталистическому. От цензуры к свободе. От тайных записей к изданным книгам.

Итак, некий духовный стриптиз, с мукою и болью... Хотя смех и ирония тоже присутствуют.

Юрий Безелянский 15 августа 2010 г.

1950 год. Отрывки из дневников

29 января

Становлюсь всё злее и злее. Мне хочется стереть с лица земли всех: и «Ундину», и Лялю Ш. И всё потому, что очень страдаю и почти изнемог. И надоело носить фальшивую маску...

30 января

Прочитал вчерашнюю запись. Н-да. Явная мизантропия... Сегодня настроение иное. Даже улыбнулась фортуна: я выиграл все четыре игры в настольный хоккей... За мой доклад в классе о Байроне Марина Георгиевна подарила мне книжку Омара Хайяма, сказав, что я – молодец. Читаю с удовольствием:

Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало.
Два важных правила запомни для начала:
Ты лучше голодай, чем что попало есть,
И лучше будь один, чем вместе с кем попало.

* * *

Живи, безумец! Трать, пока богат,
Ведь ты же сам не драгоценный клад!
И не мечтай, не сговорятся воры
Тебя из гроба вытащить назад.

1 февраля

Чувствую, что круг знакомых у меня всё-таки узок. Надо расширять. И главное: нет жизненной подруги, если выражаться высокопарно. Читаю декадентов – Бальмонта и Виктора Гофмана. «Я вольный ветер, я вечно вею...» И Гофмана: «У меня для тебя столько ласковых слов и созвучий, / Их один только я для тебя мог придумать любя...»

3 февраля

Вчера почти весь день с И.Г. шатались по улицам. В повторном кинотеатре посмотрели «Музыкальную историю». Вечером поехали в ресторан «Москва», там открыли зал танцев, билет стоит 12 рублей. Утекли последние свободные деньгульки. Знакомые ребята угостили нас коктейлем, который мы тянули через соломинку. Постилил со стильной девочкой из Планового института. Уходящий стиль с пристукиванием каблучков. Лабухи играли стильные вещи. Было много классных чувих...

6 февраля

В гостях у Лены встретил Веру. Она вышла замуж. Выглядела очень хорошенькой. Ей к лицу зелёное полудлинное платье. Мне стало грустно, вспоминалось лето 1948 года, когда я флиртовал с Верой, её полненькие губки... Вечером с Димой выпили пивка, купили четвертинку водки, положили сахара и прошлогодние вишни, всё это вскипятили, потом заморозили, а затем это подобие ликёра выпили. Получилось вкусно и тягуче...

9 февраля

В школе идут дела без всяких осложнений. Пока. Ближайшая задача не получать двоек. А ещё – подыскать хорошенькую «зеленоглазую мадонну», чтоб не было скучно. Жду письма из Сибири от мамы и деньгулек.

12 февраля

Был в «Москве». Встретил там Мишу Калика (ГИК и ГИТИС), Георгия из ГИКа, Гию из архитектурного и других знакомых чуваков. С Каликом и Шерешевским взяли троих девиц и поехали ко мне на Арсентьевштрассе. Купили водку, вермут и закусывали всё яблоками. Тосты, брудершафты... В мои объятия на этот раз попала Рая... Сегодня болит голова, будто была дикая попойка. На улице тает снег. Дикая грязь... Читаю Генри Фильдинга.

16 февраля

В школу не хожу. Уроками не занимаюсь. Увлёкся афоризмами. «Хочу – половина могу» (Суворов). «Счастлив был Адам: ему не приходилось произносить чужих слов» (Марк Твен). «Наружность и манеры более выразительны, чем слова» (Ричардсон).

17 февраля

Я живу один, без мамы. На свободную квартиру слетаются, как на мёд, друзья и знакомые. Разговоры, игры, танцы, выпивка. Приходится иногда не открывать дверь... Вчера «Ундина» – она старше меня на 4 года, – разревелась, как маленькая, из-за ревности...

2 марта

Итак, долгожданный день наступил. Мне – 18 лет... Всё-таки как ещё мало! Всё ещё впереди: институт, работа, любовь, жена... А сегодня преподнёс себе «подарок»: не пошёл в школу (опять прогул!). Новорождённый встал в 10-м часу, попил чай, убрался в комнате, и всё один, без мамы и папы, без единой живой души. Только две игрушки: старый дружок плюшевый Мишка и кукла Танька. Компания!..

3 марта

Как прошёл вчерашний день? Днём поехал в Центральную баню, где отлично вымылся, постригся (причёска теперь далеко не стильная, без длинных волос). Выпил бутылку пива по новым, сниженным ценам и домой. Там Маша приготовила обед. Поел и по друзьям – сначала к Игорю Горанскому, потом к Ляле Шнейдер. Вечером домашнее застолье: Маша, Ляля и 10-летний Бобочка. К 21 часу поехал в «Москву» на танцы, в зал ресторана гостиницы. Танцевал...

Далее в дневнике обрыв, что-то густо зачёркнуто, очевидно, какая-то сексуальная связь, и стихи, написанные на уроке то ли химии, то ли геометрии:

Позади 18 прожитых лет...
Я вчера справлял день рождения.
В старый поношенный фрак был одет,
Нежный, застенчивый, полный смиренья.
Не было шумных и праздных гостей,
Не было блеска, вина и веселья.
Не было пышных газетных статей,
Сплетающих имя моё в ожерелье.

Не блистал в позолоте дворец,
Не плескалось игривое море,
Не было любящих близких сердец.
Только ветер шумел на просторе...

В тени Байрона

Что сказать спустя 69 лет? Если о стихках, то они, безусловно, слабые. Но за их слабостью чувствуется одиночество гребца в открытом и бушующем море жизни в поисках сказочного острова больших надежд и желаемых свершений.

Великовозрастный школьник, не придающий значение школьному образованию и занимающийся своим стихийным самообразованием. Некий байроновский Чайльд-Гарольд, находящийся в разладе с обществом, презирающий светскую чернь и разочарованный во всех человеческих идеалах.

Великий Байрон и 18-летний советский школьник, – очень смешно. Но в 1950 году я был увлечён Байроном и в школе даже сделал доклад о нём (по предложению учительницы английского языка). Мне импонировал Байрон – нежный и злой, грустный и весёлый, рассудительный, как Вольтер, и сумасшедший, как ветер, – так я характеризовал мирового классика в дневнике от 31 марта. И в дневнике вписаны строки Байрона:

Он сам теперь от света удалился,
Надежды нет, но всё ж не так темно.
Он знает, что он попусту родился,
Что до могилы всё предрешено,
И это знание горечи даёт улыбку...

И это цитировал советский юноша в то время, когда вся страна (так уверяла пропаганда) пела песню «Наш Ленин» на слова Маргариты Алигер:

Мы высоко голову несём,
В будущее вера горяча, –
Потому что всюду и во всём
Чувствуем живого Ильича!

Нам светло и радостно идти
По дороге ленинской вперёд, –
По тому великому пути
Неуклонно Сталин нас ведёт.

А я как-то шагал не в ногу и не по той дороге. Никакой веры, пафоса и патриотизма. Юноша-одиночка. Индивидуал. Из серии «лишних людей». Байронист:

Пресыщен всем, утратив счастья грёзы,
Он видеться с друзьями перестал:
В его глазах порой сверкали слёзы,
Но гордый Чайльд им волю не давал.

А теперь снова вернёмся к дневнику 1950 года.

7 марта

Вчера пробовал питаться чистым воздухом и «святым духом»... Перечитывал чудесную драйзеровскую «Сестру Керри»...

9 марта

Играл в шахматы, в настольный теннис. В школу опять не хожу. В кармане ровно один рубль.

11 марта

Вчера со Славкой ездили узнавать насчёт выгрузки угля, чтобы немного подзаработать. Но ничего не вышло...

13 марта

Вчера были первые в моей жизни выборы. Я голосовал за Михаила Алексеевича Яснова в Верховный Совет СССР и за Николая Александровича Булганина в Совет национальностей, т. е. за нерушимый, сталинский блок коммунистов и беспартийных...

Сегодня днём ко мне приходили Игорь Шмыглевский и Андрей Тарковский... А вечером снова один. По приёмнику слушал джаз, снова один и один. Повеситься, что ли? Ей-богу, тошно.

На фоне серого пейзажа
Я тосковал.
Под звуки бешеного джаза
Я зарыдал.

Зачем живу на свете я?
К чему? К чему?
Зачем гнетёт тоска меня?..
Так почему?

18 марта

Читаю «Милого друга» Мопассана, а в школе на уроках «Шагреневую кожу» Бальзака... Эх, надо исправлять двойки по химии и математике. А заниматься не хочется. Разве можно заниматься, когда понемножку пригревает солнышко?..

20 марта

18-го с Андрюшей Тарковским прогулялись по центру...

Почему я плохо учусь? Ведь я способный, а может быть, даже немного больше, так, по крайней мере, говорят многие. Так почему? Странная, непонятная обломовская лень окутывает меня, как саваном... Нет внутренней дисциплины, усидчивости...

23 марта

Выше голову, «Милый друг». Всё проходит, старина. Всё забывается, даже двойки...

25 марта

...А тут ещё «пантера»... Как всё надоело! Ничего не хочу. Никого не хочу...

28 марта

Сейчас на мне плащ разочарования покроя Онегина и Чайльд-Гарольда. Я всё видел, всё познал. Отсюда горькая, пессимистическая улыбка на жизнь... Перечитываю любимого Байрона.

4 апреля

Записываю в дневник стихи Игоря Шмыглевского (не только свои), чтобы они не затерялись, вот только некоторые:

Старая, дырявая галоша,
Сколько лет ты шлёпала по лужам,
Сколько раз под непосильной ношей
Ты, как говорят, просила кушать.
Долго я по улицам слонялся,
На тебя отыскивал похожих,
Твой напарник где-то затерялся,
Развалился на ходу, быть может.
С видом кислым и обледенным,
Снегом занесённые до точки,
Мы плетёмся по дороге белой,
Сочиняя пошленькие строчки...

Игорь, Игорь, откуда такой пессимизм? «Шагают сутки вереницей шумной, / Всё в жизни пошло, пошло и смешно. / И ни одной мечты моей безумной / На этом свете сбыться не дано...» И это пишет умный парень и притом комсомолец...

5 апреля

...А вдруг будет война? И прекрасно! Пойду на фронт, защищать родину. Убьют – что ж поделаешь, всё равно когда-нибудь придётся быть на том свете. Рано или поздно – это не играет роли.

Мне надоело вечно носить маску...

Я не ловелас, не балагур, не легкомысленный Хлестаков, не разочарованный Печорин, как некоторые думают обо мне. Нет и ещё раз нет! Но почему я бешусь и задыхаюсь в собственной злобе, в негодовании на других... Моя раздражительность доходит до предела. Какой же выход?!

11 апреля

Мама всё время болеет. Бесконечный круг: головная боль, сердце, ноги, порошки, грелки, аптеки, врачи... И в моей голове сумбур и тупая боль...

14 апреля

Погода испортилась. Идёт мелкий дождик. Довольно прохладно. Вчера был у Светланы Растопчиной (впоследствии Юрий Трифонов напишет роман «Дом на набережной». – 18.03.2010). Блоковская «Прекрасная дама» очень бледная и полупрозрачная. Разговаривали, как давние старые друзья (студентка МГУ и школьник из 9-го класса. – Ю.Б.).

17 апреля

В школе на вечере должен был читать Маяковского, но почему-то испугался и не вышел. Вечером с Розой Гусевой гулял и напевал ей песенки Вертинского и Лещенко...

Реплика. Жаль, что в дневнике не написал, какие именно песенки напевал, а их я знал множество. Мне нравился изысканно-богемный Александр Вертинский и бесшабашный, простецкий, удалой Пётр Лещенко. Из Вертинского, возможно, пел:

В бананово-лимонном Сингапуре, в буре,
Когда поёт и плачет океан
И гонит в ослепительной лазури
Птиц дальний караван...

А далее о судьбе:

Вы плачете, Иветта,
Что ваша песня спета,
А сердце не согрето без любви огня...

Может быть, моя спутница по прогулкам вздрагивала (этого я уже не помню), а я нагнетал дальше:

Замолчи, замолчи, умоляю,
Я от слов твоих горьких устал.
Никакого я счастья не знаю,
Никакой я любви не встречал...

Это слова «Любовницы», написанной Вертинским (слова и музыка) в Париже в 1934 году. Мне было тогда всего 2 года.

19 апреля

Зреет мысль: бросить школу и уехать на юг. Авось, повезёт!.. В Москве с моей подмоченной биографией закрыты двери многих учебных заведений, хотя и говорят, что сын за отца не отвечает...

27 апреля

26-го утром играл в баскетбол в школе, потом в волейбол на площадке 553-й женской школы на Люсиновке. Вечером – офицерский клуб МВД, первомайский вечер Института востоковедения. Приличный концерт. Володин и Савицкая, Казимир Малахов (песенки), волшебник Дик Читашвили, чтец Першин, солист ГАБТ Бурлак и другие. Самый большой успех выпал на долю Мироновой и Менакера. А с 12 часов ночи и до утра танцы под джаз. Солировали сакс, труба и гавайская гитара. Играли и «Караван», и «Вуги-вуги», и «Сан-Луи». Ещё фоксы и блюзы. Я был в восторге и в упоении. Познакомился и всю ночь танцевал с красивой девушкой – Наташей Пушкарёвой...

Она! Она!.. Глаза и руки,
И косы толстые, и зубок ровный ряд.
Долой печали, одиночество и муки,
Я вновь оденусь в радостный наряд.

29 апреля

Вчера с Наташей гуляли по просекам в Сокольниках. Она – десятиклассница, работает секретарём в деканате в Востоковедении... А днём в школе прыгнул в длину на 5 метров. А хорошо бы на 6 – тогда второй разряд... Ездили со Славкой сдавать книги в букинистический магазин...

4 мая

2-го на «Динамо» смотрел матч «Динамо» – «Торпедо», 0:1. А на следующий день поехал в Химки на водохранилище «Динамо» на игру дублёров. Тут динамовцы выиграли со счётом 4:2. В воротах стоял молодой Лев Яшин.

8 мая

Стать писателем – моя мечта, спрятанная глубоко за футболом и стишками... Хочу быть хорошим стилистом, чтобы каждая фраза была жемчужиной мысли и сверкала отточенностью...

10 мая

«Я ничего не понимаю в этой жизни. Я с покорным тупым страхом вытягиваю свой билет и сам не могу прочесть надписи... Я не знаю, что будет со мною завтра... Я не знаю ни очереди событий, ни времени их прихода, ни их стихийной силы, ни их тёмного значения» (Александр Куприн. «Вечерний гость»).

2 июня

Зачитываюсь Константином Симоновым.

Минутами казалось, что и ей
Хотелось быть большой, неосторожной.
Сердитые морщинки у бровей,
И голос вдруг по-женскому тревожный,
И взгляд такой, как будто вдруг она
Заметила посередине фразы
Глаза мужчины, койку у окна
И ключ в двери, повернутый два раза.

Нет, не повернутый. Но всё равно,
Пусть три шага ты мне позволишь взглядом:
Шаг к двери – заперта, шаг к лампочке – темно.
И шаг к тебе, чтоб быть с тобою рядом...

11 июня

Встретил Борю Ширяева. Когда-то в школе была знаменитая тройка мушкетёров: Ширяй – Портос, Баженов Юрка – Арамис и я – Атос... Вечером с Наташей в Сокольниках. Домой вернулся в час ночи.

14 июня

Стоит отвратительнейшая погода. Пасмурно, холодно, сыро. Как будто не июнь, а какой-нибудь ноябрь и вот-вот выпадет снег. Хожу в свитере, а вчера пришлось надеть пальто.

15 июня

Вчера с двух часов дня до одиннадцати вечера у Станислава крутили патефон с джазовыми пластинками. С Леной Архиповой мощно «рвал», т. е. танцевал...

22 июля

Играл в шахматы, ходил в библиотеку, взял объёмистую книгу – однотомник Александра Блока. Вечером в парке Горького концерт на открытой эстраде. Сатира на Америку, чечётку танцуют Черчилль, де Голль, Франко, дирижирует дядя Сэм. Песенка чёрта: «В бананово-лимонной на Формозе, где плачет и рыдает Гоминдан...» А вечером переписывал понравившиеся стихи Блока: «День был нежно-серый, серый, как тоска...»

В кабаках, в переулках, в извивах,
В электрическом сне наяву
Я искал бесконечно красивых
И бессмертно влюблённых в молву...

Или вот ещё:

И, пока пьянеют нарциссы,
Я кривляюсь, крутюсь и звеня...
Но в тени последней кулисы
Кто-то плачет, жалея меня...

3 августа

Взял в библиотеке две книжки Валерия Брюсова. Нравится... А «фиолетовые руки на эмалистой стене» я давно знал. Концовка стихотворения 1896 года: «Так много думано, исполнено так мало!»

7 августа

В дневник переписал 48-е по счёту стихотворение Брюсова: своей книги-то нет.

Как долго о прошлом я плакал,
Как страстно грядущего ждал,
И голос – угрюмый оракул –
«Довольно!» – сегодня сказал...

9 августа

Какое ненастное лето! Почти всё время идёт дождь или пасмурно... Вчера провёл весь вечер с «Ундиной». Снова ревность, ласки. Неумелое щебетанье... А я проводил параллели и думал, кто лучше – она или Наташа?..

«У женщины любовь в большинстве случаев развивается от души к чувственности и часто не заходит так далеко; напротив, мужская любовь направляется от чувственности в душу и часто не достигает цели – вот самое мучительное для обоих различие из всех современных различий между мужчиной и женщиной» (Эллен Кей).

26 августа

Итак, я один... Мама снова поездом отправилась к отцу, в Сибирь... Опять один в четырёх немых стенах. Лишь радио кое-как скрадывает моё одиночество. Что остаётся? Лишь песенка Сокольского:

Чёрное манто и пара ножек,
Бледное лицо при свете фар.
Полюбить друг друга мы не сможем –
Не зажечь в душе моей пожар!
Уйдёте в ночь и навсегда,
И вас не встречу я больше никогда.
Чёрное манто и пара ножек,
Вас могу любить лишь одну ночь.

11 сентября

Решил уходить из школы и забрал свои документы. Вот характеристика 1945 года, написанная престарелой учительницей Заднепровской: «Способный, развитый мальчик. Много читает и серьёзно относится к прочитанному. Самолюбивый и настойчивый. Переживает неприятности. Хорошо влияет на товарищей. Культурно воспитан, энергичный и гордый».

А вот последняя характеристика (17.06.1950) от Фёдора Фёдоровича Титова: «Безелянский Юрий при ряде положительных черт (известная воспитанность в смысле поведения и манере держаться, интерес к гуманитарным наукам) по-прежнему и даже в этом году больше выделялся недостаточным волевым напряжением, размагниченностью, несмотря на соответствующие советы ему и его попытки выправиться. Результат: пропуск 223 учебных часов (не всегда по болезни) и кризис в математике. Оставлен на второй год в 9-м классе из-за математических предметов. Результатом также явилось и то, что не был принят в ряды ВЛКСМ».

Далее в дневнике приведён диалог Петра Адуева с племянником из «Обыкновенной истории» Гончарова, и в частности слова: «Что вчера велико, сегодня ничтожно».

13 сентября

Успокоение нахожу только в стихах. Как хорошо, что лучшие из них выписаны в моих тетрадках и всегда находятся под рукой. Почитаешь – успокоишься...

15 сентября

Учился играть в пинг-понг (настольный теннис)... Играл в шахматы... Мудрая учительница Фаина Израилевна меня наставляла, что самое лучшее для меня – это пройти через горнило завода. Нет, Фаина Израилевна, это не для меня: я – гнилой интеллигент и предпочитаю станкам и молоткам книги... К вечеру я был оформлен в школу рабочей молодёжи № 553. Директор предупредила, чтоб не было прогулов и опозданий...

18 сентября

Новость! Сенсация! По облигации второго восстановительного займа я выиграл 400 рублей. Везение после долгой полосы невезения. С ходу истратил 200 рублей: купил кожаные перчатки, галстук, остальные деньги ушли на вино, пирожные, яблоки, конфеты – неплохой набор для девятиклассника. Да, ещё отдал долг...

Тут прочитал пародию на псевдоиндустриальную лирику, прямо к школе рабочей молодёжи: «Мне снились котельные клещи, / Заклёпки и грохот зловещий... / Мне снилось, что я ещё мальчик, / Совсем молодой нагревательщик, / Котельщик, клепальщик, держальщик, / Разметчик, и сварщик, и слесарь...»

19 сентября

Вчера первый день в новой школе. Учатся вместе и девушки, и юноши. Никакой изоляции, как в дневных школах. Возраст разный. Есть много служивых, разных лейтенантов...

3 октября

В школу хожу с удовольствием. Всё-таки коллектив – великая вещь, в нём как бы растворяешься...

6 октября

Приехала мама... Читаю Хемингуэя «Пятая колонна» и рассказы.

9 октября

В клубе «Гознак» смотрел американскую картину «Под властью доллара» (примечание: что такое доллар – узнал спустя несколько десятилетий. – 19 марта 2010 г.). В другой день с Г. в Доме учителя на Таганке. Сначала лекция о величайших стройках сталинских пятилеток, затем самодеятельность (плохая) и, наконец, танцы под аккордеон.

13 октября

Закончил «Титана» Драйзера... В «Ударнике» смотрел замечательный фильм «Паяцы» по опере Леонкавалло. Потрясающие голоса, особенно у Тито Гобби (баритон). И потрясающий надрыв: «Смейся, паяц, над разбитой любовью!...»

16 октября

Исполнилась мечта: тёмно-синий костюм. Его сшила мне маман. Двубортный, правда, перелицованный, но материал чудесный: тёмно-синий в зелёную полоску. «Шик-модерн». Европа «А». Дважды встречался с Наташей, и дважды ссорились из-за пустяков. Смотрели фильм «Секрет актрисы» с Диной Дурбин. Мои любимые актрисы: Марика Рокк, Дина Дурбин, Любовь Орлова...

28 октября

Вчера с Борей Давидовским смотрели матч на Кубок «Динамо» (Москва) – «Локомотив» (Москва). Игра была исключительно напряжённая. Болел чрезвычайно бурно.

1 ноября

Читаю том Леси Украинки. Особенно понравилось стихотворение «Contra spem spezo» («Без надежды надеюсь» – латынь):

Прочь, осенние думы седые!
Нынче время весны золотой.
Неужели года молодые
Беспросветной пройдут чередой?

Нет, и в горе я петь не забуду,
Улыбнусь и в ненастную ночь.
Без надежды надеяться буду,
Буду жить! Прочь, осенние, прочь!..

3 ноября

Благодаря Александру Фомичу Малявкину я без труда попадаю на матчи Большого футбола. Он или достаёт мне билеты, или проводит сам на стадион через служебный вход... Великий Саша! Полузащитник (или инсайд) московского «Динамо». Мы знакомы уже 3 года. Не раз выпивали вместе...

7 ноября

6-го был финал Кубка ССР, «Динамо» – «Спартак». С утра лил дождь, поле как топкое болото, мяч набух, игроки скользили и падали. Мы с Игорем сидели в ковбойских шляпах, но и они не спасали от воды. Время от времени мы снимали шляпы и стряхивали с них набравшуюся влагу... Победила команда Игоря – «Спартак» 3:0. Я был в унынии... В прошлом году я был на 27 матчах, а в этом – на 37! Новый рекорд. Видел 25 матчей московских динамовцев и ещё 5 с участием их дублёров.

12 ноября

Очередной кризис в отношениях с Наташей... Долой рафинированные чувства, грёзы о счастье, щемящая тоска!.. Только смех, пусть сквозь слёзы, но смех. Каким я был раньше – никогда не унывал. Вот таким постараюсь стать опять...

17 ноября

Если бы я вычертил график моего настроения, то получилась бы сумасшедшая кривая, которая безудержно рвалась бы вверх и безнадежно падала вниз. Кривая плясала бы в своём непостоянстве, выделявая замысловатые фигуры...

23 ноября

Опять много читаю. Гастон Буассье «Картины римской жизни времён Цезарей», «Метаморфозы» Овидия, сонеты Шекспира и стихи Сергея Есенина – всё в куче. «Я полон дум о юности весёлой, / Но ничего в прошедшем мне не жаль...»

«Жизнь состоит из событий самых разнообразных, самых непредвиденных, самых противоположных, самых разношёрстных; она груба, непоследовательна. Бессвязна, полна необъяснимых, нелогичных и противоречивых катастроф, которым место в отделе происшествий...» (Ги де Мопассан. «О романе»).

27 ноября

Со школьной группой ходили в Третьяковку. Экскурсия «Историческая живопись». Сколько шедевров! Понравилась эффектная картина Флавицкого «Княжна Тараканова», «Портрет Штенгель» Репина, изумительные картины Айвазовского, особенно «Лунная ночь на Чёрном море»... К маме приходил её старый знакомый, фронтовик Борис. Рассказывал о том, как воевал. Какая страшная это штука – война!.. Страшная и мерзкая. Гибнут тысячи хороших людей...

1 декабря

Я очень люблю новые месяцы. Вот новый – декабрь. Всегда кажется, что с новым месяцем должно что-то измениться, что жизнь потечёт по новому руслу, в котором не будет неприятностей, ссор, тоски, печали... Но пролетают 30 дней всё в той же скучной оболочке. И снова новый месяц и новые надежды...

Читаю Надсона: «Муза, погибаю!.. Глупо и безбожно / Гибну от нахальной тучи комаров, / От друзей, любивших слишком осторожно, / От язвивших слишком глубоко врагов...»

15 декабря

Два дня мучился с юмористическим рассказиком «Пустоцветов, Люда и Ким». Не очень получилось. Концовка такая: «...Пустоцветов ворочался в кровати. Ему снились Сковородкина, стоявшая на вершине Эвереста, Ким Юркин, забивающий гол, листки со стихами, Ниагарский водопад, бананы и прочая галиматья».

29 декабря

Какие новости? Плохие. Лежу. Пожелтел, как лимон. Желтуха. В вену колют глюкозу. От больницы отказался...

30 декабря

Вчера с Наташей были на новогоднем вечере. Я с кровати на бал и с бала на кровать. Большой концерт. Конферировал Афанасий Белов. Выступали Санина и Феона, Козловский, Илья Набатов. Сцену из пьесы «Рассвет над Москвой» разыграли Марецкая, Раневская и Годзи, а из «Джон – солдат мира» – Названов и Викланд. Мило пела Ружена Сикора, аккомпанировал ей Богословский... После высокой температуры ещё умудрился танцевать. Около 7 часов утра домой приехал на машине.

Комментарий спустя (даже трудно выговорить) 68 лет.

Сегодня, когда уже не поют, а зажигают шоу-певички, типа Гагариной и Бузовой, уже не помнят старых звёзд, и Ружену Сикору (1918), которая блистала в 50-е годы. Она пела популярные песни: «Московские огни», «Я писать тебе не стану», «Я жду тебя» и прочую лирику. Фанаты млели, и бывали случаи, когда машину с певицей несли на руках, – фанатели и тогда!.. Все артисты прошлого обладали хорошими голосами (фонограмм не было), пели душевно, сердечно, искренно. Никаких цветовых миганий, подсветок, подтанцовок, подпевок. Только личность и то, чем ты можешь зацепить зал...

Ну, а Никита Богословский (1918) – легендарный композитор, сколько хороших песен написал: «Шаланды, полные кефали...», «Три года ты мне снилась...». А простенькая, но симпатичная:

Ты ждёшь, Лизавета,
От друга привета.
Ты не спишь до рассвета,
Всё грустишь обо мне...

Ну и конечно, бесподобная «Тёмная ночь» (слова В. Агатова, и как проникновенно пел её Марк Бернес):

Тёмная ночь, только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах,
тускло звёзды мерцают...

Замечательные мелодии создавал Богословский, а его пресса много раз критиковала и бичевала за «пошлые романсы», за «кабацкую меланхолию» и т. д.

С Никитой Владимировичем Богословским мы не раз встречались в 90-х годах в редакции «Вечернего клуба», в газете для интеллигенции. Он всегда внимательно читал и следил за моими историческими колонками и иногда восклицал: «Опять Безелянский напутал!..» Богословский собирал всяческие нелепости, ошибки и ляпсусы в своей коллекции «Заметки на полях шляпы». (15 января 2019 г.)

1951 год – 18/19 лет. В волнах неопределённости

Уже повзрослел, но никак не определился, кто я и что я. Впрочем, и в стране ничего особенного не происходило. Ну, ввели в строй Лисичанский химкомбинат, обсуждали проект агрогородков, в Новгороде нашли берестяные грамоты XI века.

Но ни химкомбинат, ни агрогорода, ни берестяные грамоты меня, 19-летнего, не трогали и не волновали. У меня билась и трепетала собственная жизнь. Школа рабочей молодёжи в отличие от обычной не досаждала, наконец-то взялся за ум и сразу стал успешным учеником. Прогулов не допускал, и всё дело шло к аттестату зрелости. Хотя сам по себе школьный аттестат – не зрелость. Ещё Сенека в древности утверждал, что «Не для жизни, а для школы учимся». А американский юрист и писатель Роберт Ингерсолл (1833–1899) пребывал в уверенности, что «школа – это место, где шлифуют булыжники и губят алмазы».

От булыжника я отошёл давно и пытался приблизиться как можно ближе к алмазу. Литературные дали манили и завораживали. Но до литературы было ещё ой как далеко. В 50-х годах непрерывным потоком выливались лишь стихи. Об их качестве умолчу...

Прежде чем привести сохранившиеся разрозненные дневниковые записи, по памяти вспомню отдельные моменты из 51-го года.

Скромный, вежливый, умный мальчик, так считали учителя. Но это внешнее впечатление. Внутри по-прежнему метался и часто испытывал стресс. А внешне подчас играл роль лидера. В тот год образовалась великолепная тройка: студент Востоковедения Игорь Горанский, будущий переводчик АПН Виктор Ус и я, школьник, самый младший, но с навыком верховода. Часто собирались у меня в доме. Болтали, выпивали, играли в карты. Я предложил издавать рукописный журнал «Петушок» и самостоятельно выпустил первый номер, но друзья меня не поддержали. Главная тема, вокруг которой всё вертелось: девочки. Все трое испытывали острое влечение к женскому полу. Гедонисты – хотели получить от жизни одни удовольствия. Грехи молодости...

Через горы и поля
Ходят три богатыря, –

наряжал я дружбу в фольклорные одежды. С Игорем нас ещё связывали футбол, шахматы и стихи: оба считали себя чуть ли не поэтами. Игорю я посвятил поэму «Вопль» (косил под Маяковского):

У нас заведено: или станет проституткой,
Или ни за что не отдастся вовек.
Будет дрожать над своим телом,
Как над золотом старый Гобсек...

Поэма длинная и... плохая. А у Игоря были свои вопли:

Горько и больно мне: снова не верят,
Снова не понят, считают не тем,
Снова придётся сердечные двери
Разумом трезвым прикрыть насовсем...

Обменивались стихами, обсуждали их. Лечились от сердечного непонимания футболом: и сами играли, и ходили на матчи мастеров кожаного мяча. А потом дружба рухнула, когда стали работать вместе, и оба не выдержали испытания отношений начальник – подчинённый.

Теперь о личных делах. С «Ундиной» расстался на какое-то время, но зато запыхал любовный платонический роман с Наташей Пушкарёвой. Встречи, долгие прогулки по просекам Сокольников, часто Наташа приезжала ко мне, когда я жил один. Ворковали, ласкались, но чаще ссорились. Наташа была очень обидчивой и готова внезапно плакать. Поссорились – помирились. А ещё писали друг другу письма (о, блаженные доэлектронные времена!). А какие незатейливые, но полные чувства, строки я писал Н.П.:

Свет очей моих ясных,
Тебя так люблю!
Милая, нежная,
Тебе лишь пою!
Счастье моё, радость моя,
Я жить не могу без тебя...

Читаю сегодня и, как Станиславский: «Не верю!» Но тут же слышу истерический крик Барона из «На дне»: «Было! Было! Всё было!...»

Что ещё? Стихи, стихи и стихи. И любовные к Наташе, и печальные о себе.

Много читал, и в частности почему-то Максима Горького, пьесы «Дачники», «Мещане» и др. В «Дачниках» Варвара Михайловна говорит: «Жизнь – точно какой-то базар. Все хотят обмануть друг друга: дать меньше, взять больше».

А теперь к дневниковым записям, которые сохранились:

1 января

Встреча Нового года прошла хорошо. Встречали вчетвером у меня: Наташа, Игорь и Тамарчонок... Я даже танцевал... Наташа меня утешала и ласкала... А ещё я за один день прочитал роман Джека Лондона «Мартин Иден». Произвёл большое впечатление. Разве это не созвучно со мной, что пишет Джек Лондон про своего героя:

«Писание было для него заключительным звеном сложного умственного процесса, последним узлом, которым связывались отдельные разрозненные мысли, подытоживанием накопившихся фактов и положений. Написав статью, он освобождал в своём мозгу место для новых идей и проблем. В конце концов, это было нечто вроде присущей многим привычки периодически „облегчать свою душу словами“ – привычка, которая помогает иногда людям переносить и забывать подлинные или вымышленные страдания».

2 января

Я вчера лежал на диване и думал: а ведь меня давно влечёт к литературе, и я часто вставал на её путь ещё в детстве. В школе, даже в младших классах, я писал всегда различные статьи и заметки для газет, делал доклады, писал юмористические вещи на злобу класса и т. д. Конечно, это не литература, но всё же... дальние подступы к ней. Проба пера...

5 января

В два дня прочитал сборник «Польская новелла» в 650 страниц...

Какое скучное занятие болеть. Лежишь, отданный на растерзание сломанным диванным пружинам, тупо смотришь на когда-то белоснежный потолок и думаешь. А мысли лезут в голову какие-то глупые или противные... А иногда впадёшь просто в бред...

7 января

Выиграл у Славки в шахматы матч со счётом 10:2. Прочитал «Ледяной дом» Лажечникова.

8 января

Сегодня заставил маму рассказывать о себе, об отце, о моём детстве, которое я вспоминаю через какой-то туман.

9 января

...Пришлось отложить жизнеописание «святого Юрия»: пришла медсестра и спилила очередной укол глюкозы. Желтуха постепенно проходит...

Последний мой литературный герой – Остап Бендер, образ смелого, находчивого и предприимчивого ловца счастья. По вкусу пришёлся его язык с сатирическими оттенками и язвительными интонациями. Я много перенял от манеры разговаривать у Бендера и заслужил у друзей и знакомых кличку «язва» и «злюка». Человеческая глупость всегда достойна смеха...

14 января

(Спустя 59 лет, будучи уже седым и старым человеком, писателем, «известным в узких кругах», странно читать «размышлизмы» 18-летнего юноши, его мучения и метания и даже мысли о самоубийстве: «Уйти, уйти скорей от всего, чтоб, наконец, душа и тело обрели долгожданный покой, – и это будет блаженство...» Сегодня трудно определить: была ли это поза, или на самом деле что-то хватало за горло, – не знаю... И всё-таки отдельные пассажи из того старого дневника я всё же приведу. – 25 марта 2010 г.):

...18 лет! Я всё видел, всё испытал, жизнь – это глупая и пошлая шутка (прав был Лермонтов). Зачем жить? Зачем учиться? Лучше пьянствовать и прожигать жизнь. А ещё лучше – отойти в сторону от этого банального фарса, именуемого «жизнь», лечь на диван и ни о чём не думать... Странно, когда-то тихий, скромный, умненький мальчик, которым все любовались, превратился в юношу, который бесцельно бродит по улицам, ссутулившись, низко опустив далеко не победную голову, брюзгливый и нахальный... Метаморфоза прошла за последние 4 года, а был застенчивый, нежный, ласковый...

18 января

Вот уже 30 дней не выхожу на свежий воздух, болею, преодолеваю свою желтизну. Чем занимаюсь? Стихотворчеством.

...Она к тебе клонится, как берёзка,
Но не чувствует даже волнение в крови...
...Я устал от такого занятия –
Болтать о любви, повторяясь, как попугай,
Ходить под ручку нежно влюблённым,
Просить: «Любимая, сердце отдай!...»

21 января

Уже здоров. Лёгкий морозец, мягкий снежок, свежий воздух – благодать... Из прочитанных книг – Мопассан. «Булавки» и прочие рассказы. Мопассан исключительно плотский: «Лицо женщины – это десерт, всё остальное – жаркое».

2 февраля

Изучаю вузовский учебник проф. Тимофеева «Теория литературы». Литература – это моя специализация, моя стихия...

7 февраля

Эпиграф из Есенина: «Я б навек забыл кабаки / И стихи бы писать забросил, / Только б тонкой касаться руки / И волос твоих, цветом в осень».

...Но опять я один, и слёзы
Буйно в сердце моём клокочут.
Смеются надо мною грёзы,
Смеются опять и хохочут.

Слова застревают в глотке,
Сердце сжимается болью.
Как хорошо бы в водке
Утопиться со своей любовью.

Весна (без даты)

Открыта книга на столе,
И видит бог, то – Беранже,
Поэт веселья и вина,
Что говорил: ах, пить до дна!
Поэт лукавых женских глаз.
Ну, улыбнитесь вы хоть раз!

Погода пасмурна. Ну, что ж.
Пусть брызнет сверху светлый дождь,
Пусть капли падают так-так.
Но мы идём. Ведь то – пустяк.
Нам дорог жизни каждый час.
Ну, улыбнитесь вы хоть раз!

Пусть денег нет, зато есть ум,
Ведь он дороже всяких сумм.
Идеям нет у нас конца.
Так прочь, тоска-печаль, с лица!
Для нас ведь деньги – не указ.
Ну, улыбнитесь вы хоть раз!..

23 февраля

Писал стихи на всех пяти уроках в школе:

Мне страшно. Я один...
Мой голос тонет в хаосе ненастья,
Среди ветров, метелей и преград.

Мне хочется крупинку счастья...

Крупинку, крупицу... а почему так мало? – это уже вопрос из 9 марта 2019 года. Писал свои так называемые стихи и старательно переписывал чужие – настоящие.

«Устал я жить в родном краю, / В тоске по гречневым просторам...» (Есенин). «Ах, люблю я поэтов, забавный народ» (поэма «Чёрный человек»). Далее Пастернак, Пушкин, Тютчев, А.К. Толстой, Некрасов...

Стихи мои, бегом, бегом.
Мне в вас нужда, как никогда.
С бульвара за углом есть дом,
Где дней порвалась череда,
Где пуст уют и брошен труд,
И плачут, думают и ждут...

Это – Борис Леонидович, 1931, за год до моего рождения.

Немного Байрона

А вот моё стихотворение, можно сказать, программное: о себе и о своей сути:

Я – всё одно непостоянство.
Я соткан из противоречий.
Пестро души моей убранство,
Язык мой – перезвон наречий.

В себя вобрал я нежность лани
И в то же время ярость тигра.
Нет для меня других желаний:
Разнообразить жизни игры.

Сегодня я в тоске грозовой,
А завтра – смех и безмятежность.
Люблю во взоре бирюзовом
Я пламенеющую дерзость.

Стихотворение почти байроническое. У Мандельштама: «Немного красного вина, немного солнечного мая...» А у меня – немного Байрона, мятежного и мрачного. После школьного доклада о Байроне я часто возвращался к судьбе и поэзии поэта, вызвавшего волну «мировой скорби» во всём мире.

Джордж Ноэл Гордон Байрон (22 января 1788 – 19 апреля 1824). Всего 36 лет жизни, но какой! Поэт, романтик, карбонарий, воин. Разочарованный лорд, страдавший от несовершенства мира и от его социального устройства. Его «Паломничество Чайльд-Гарольда» – это вызов всему и всем. Байрон – это пример трагического разлада с миром и с самим собой. По его образцу стал бродить повсюду тип байронического, рефлексирующего героя. Но в отличие от Байрона большинство только переживали и страдали, а Чайльд-Гарольд действовал и боролся. Увы, я принадлежал только к большинству: только чувства и рефлексии.

Невольно вспоминается удивление Михаила Светлова в его «Гренаде»: «Откуда у хлопца испанская грусть?...» А откуда у советского школьника «мировая скорбь» Байрона?..

Байрону было тесно и горько на родине, в Англии:

Объят тоской, бродил он одиноко.
И вот решился он свой край родной
Покинуть, направляясь в путь далёкий...

Нет, ни как Чайльд, ни как сам Байрон, я, к сожалению, не отправился в Грецию, к повстанцам. А кое-как закончил школу, перейдя из дневной школы в Стремянном в школу рабочей молодёжи на Люсиновской улице. Совершенно не думая о будущем, о месте в жизни, крутись, как белка в привычном круге: писал стихи, читал книги, много выписывал из них, играл в футбол, ходил на матчи на стадион «Динамо», на веранды и в танцевальные залы, крутил романы и крутил головы многим девочкам, девушкам и молодым женщинам. Красивенький, высокий, начитанный – многим нравился. Ещё шахматы. Боже, каким я был тогда легкомысленным. По байроновскому стихотворению «Хочу я быть ребёнком вольным...» (перевод Брюсова).

Однако в классе я не был белой вороной. Если так можно определить, то упадников и декадентов было несколько: кроме меня, Андрей Тарковский и Игорь Шмыглевский, который тоже писал стихи:

Наш удел – безвольной тряпкой волочиться,
Проклиная счастья радужные сны...

* * *

2 марта 1951 года исполнилось 19 лет. В дневнике все весенние страницы уничтожены (семейная цензура?). Вспомнить точно невозможно: всё, как в тумане, слилось и перепуталось. Но на первом плане снова поэзия, футбол и любовь. А где тригонометрия с химией?!. Писал стихи сам, много читал разных поэтов и даже вникал в технологию поэтического творчества, в рассуждения специалиста – лингвиста Александра Афанасьевича Потебни – о том, что поэтическое творчество есть уяснение поэтом для него самого его сначала ещё смутных, неосознанных ощущений. Истинный поэт «даль свободную романа» всегда сначала различает «неясно», «сквозь магический кристалл» (Пушкин)...

О встречах и любовных приключениях говорить не буду. Вместо этого строки Сумарокова из XVII века:

Не трать, красавица, ты времени напрасно,
Любися: без любви всё в свете суеты,
Жалей и не теряй прелестной красоты,
Чтоб больше не тужить, что всё прошло несчастно.

Одно из приключений зафиксировали с Игорем Горанским в совместной повести-репортаже «Волшебные дни в Новозагорском лесничестве», стилизованной под стиль «Двенадцати стульев».

«В вагон вошли со словами: „И что бы вы без меня делали?“ И каждый был уверен в собственной незаменимости...»

А ещё в дневнике 1951 года записаны тексты песен и ариеток Александра Вертинского:

Но дни бегут,

Как уходит весной вода.
Дни бегут,
Унося за собой года...

У Вертинского в конце признание, что «И от всех этих дней / остаётся тоска / одна! / И со мною всегда она...»

Нет, конечно, не тоска, а вихрь юношеских встреч и событий. Но была и тревога за маму, которой делалось всё хуже и хуже – приступы головной боли. Худо стало с деньгами, и я мечтал: «Скорей бы в институт, там хоть маленькая, но всё же стипендия...» (24 ноября).

1952 год – 19/20 лет. Смерть мамы. Аттестат зрелости. Женитьба как спасение утопающего

Дневниковые записи отрывочны, и надо восстанавливать картину того далёкого олимпийского года (крах советских футболистов на Олимпийских играх в Хельсинки). Год оказался роковым и для меня: смерть мамы 14 июня. Жизнь переломилась на «до» и «после».

«До» – жизнь с мамой, ни забот, ни хлопот. Без контроля и опеки. Сплошная мамина любовь. Она так любила выходить со мной на улицу – под ручку с сыном и гордилась, какой он большой и красивый!.. А я, глупый, стеснялся ходить с мамой (ещё подумают: маменькин сын) и вырывал руку. Мама дала мне всё, что могла, а я, к горькому сожалению, дал мало ответной любви и ласки (не я первый и не я последний. Дети, как правило, неблагодарные существа)...

Мама долго болела (но при этом, не уставая, строчила на своей машинке). Последствие контузии в голову во время войны от разбитого окна в доме какой-то знакомой на Чистых прудах. Её преследовали жуткие головные боли. Постоянные вызовы врачей, лекарства, кислородные подушки. И я постоянно бегал по аптекам. И вот роковая развязка. Мама прожила 43 года. Господи, как мало!..

Она предчувствовала свою кончину, и душа её болела за меня, что будет с сыном, школьником, который, так уж сложилось, в 20 лет был просто НИКТО. Книги и стихи не в счёт. А институт, а профессия? О, если бы она прожила подольше, то наверняка гордилась за своего «оболтуса», который в конце концов стал уважаемым человеком: журналистом, писателем, автором многочисленных книг. Но в июне 1952 года ничего этого не было. Не было и намёка на успешное будущее. И тяжесть за судьбу единственного сына придавливала маму...

14 июня я пошёл в школу на экзамен по химии, а к маме приехала племянница Ляля, на руках которой и умерла мама. На экзамене я что-то лепетал, а сердобольная химичка меня даже не слушала (в школе уже знали, что у Ю.Б. в доме произошло несчастье, но никто мне ничего не сказал: побоялись...). Сдав экзамен на четвёрку, мы в привычном трио – я, Курочкин и Чайкин – пошли отметить сданный экзамен и выпили немного вина. Распрощавшись с приятелями, я пошёл домой. Вхожу в коридор 5-го этажа и вижу в конце его, у нашей двери, крышку гроба. Мгновенно понял всё и... потерял сознание. Очнулся, когда надо мною колдовала медсестра...

Тяжёлым было прощание на Ваганьковском кладбище с отпеванием в церкви 18 июня. Родственники – два дяди, два маминых брата, – утешали меня, но никто не предложил конкретной помощи и не дал никаких советов, как жить дальше. И пошёл отсчёт времени «после»: покатилась другая, самостоятельная жизнь, когда пришлось самому думать, вертеться и принимать решения. Как единственному наследнику мне досталась дача в Тайнинке, половину которой я был вынужден продать и на некоторое время защитить себя материально.

Школу я закончил и получил аттестат зрелости, и встал вопрос о поступлении в институт, хотя кто-то из соседей по дому робко посоветовал пойти в техникум при Гознаке (а он был напротив дома) и выучиться на гравёра. Какой гравёр? Только институт, но анкета с записью «сын врага народа» не позволила пойти туда, куда хотел: ВГИК или ГИТИС. Пришлось выбрать вуз попроще: экономический на Зацепе, где, кстати, лаборанткой работала будущая жена. Недобрал один балл (20 из 25). А дальше засветила армия, но идти служить мне не хотелось и даже пугало. Решил проболтаться год и вновь поступать в августе 1953 года, повторяя «только в вуз», как мантру. Наверное, это была ошибочная ставка. Лучше бы поискать какую-нибудь работу, но никто не подсказал, не посоветовал, не помог. Сам я пребывал в некоторой растерянности и громыхал в стихах, подражая Маяковскому, критикуя обывателей, которые «без взлётов фантазий и смелых дерзаний», ходят на премьеры, курят «Казбек» и имеют «жену с шёлковой блузкой» (чем не угодила шёлковая блузка?):

По-вашему, это и есть человек?
По-моему, только моллюски...

А дальше в стихотворении я сравнивал себя с овцой, которую остригли и «выжгли дотла сердечные тигли». И в конце крик:

Сегодня души моей химеры
Предсмертный бросили, как вызов, крик!!!

Стихотворение длинное, написано в период декабря 1952 – января 1953 года (а в это время я был уже женат, бросившись головой в омут). Ну, а крик воплотил художник Эдвард Мунк, его вопиющий холст «Крик» я увидел значительно позднее.

Итак, тонущий корабль оказался без помощи. Одни только сигналы SOS. А где девочки, подруги? С Наташей Пушкарёвой как-то не спелось, любовь выкипела до дна, и мы тихо расстались. «Ундина» рядом, но она была явно не ровня мне. Появилась Мила Тимофеева, вроде бы любовь, но это из серии любви ради любви (о ней в главе «Девочки»). Ещё одна «кандидатка в фаворитки» (определение Игоря Северянина) – Алиса Тарасова, студентка иняза и, кажется, дочь генерала из органов. Мы с ней познакомились в конце 1951 года, гуляя по аллее вдоль Морозовской больницы на Мытной улице. Она была начитанна и звала меня коротким именем «Ю». Когда умерла мама, я ей сообщил об этом, она рассказала своей маме, и та пригласила меня на пару дней приехать к ним на дачу. Я поехал и был там обласкан, почувствовал настоящий семейный уют. Это были два дня, как облачко в небе, лёгкое и приятное. Мы с Алеей гоняли на велосипедах, целовались и изливали душу друг перед другом.

Спустя какой-то короткий промежуток времени уже в Москве, в Мароновском переулке около парка Горького, мы зачем-то зашли в её дом (родители на даче), и там состоялась гамлетовское «быть или не быть». Я посадил её на стул, стоял около и горячо её целовал, она горячо откликалась, однако мою попытку предпринять нечто решающее она отклонила. Я выпалил: «Выходи за меня замуж!» Она ответила: «Милый Ю, мне ещё рано...» Отказ, отлуп – понимай, как знаешь.

Действительно, а ей это было зачем?! Она – генеральская дочь, ей надо закончить институт, делать карьеру, а создавать молодую семью да ещё с перспективой получить ребёнка, и что, конец всем планам? А кто, собственно, жених, кто он и что? Милый, приятный, обходительный, но ведь этого недостаточно... Короче, по старому романсу: он был титулярный советник, она – генеральская дочь. Социальная несовместимость. «Она прогнала его прочь». А тут не титулярный советник, а молодой человек, не подошедший даже к двери какого-нибудь департамента. Хотя если бы она согласилась, то был бы возможен вариант, когда генерал-отец за уши вытащил меня из воды на благополучный берег. Но вариант не состоялся.

Знаки внимания в школе оказывала мне завуч, она же и историчка, но тут меня пугала возрастная разница. И тогда я обратил уже сам внимание на одну из учениц класса – приведу только инициалы Г.В. Я ей очень нравился и сделал выбор в её пользу. Роковой выбор. Во всех смыслах неудачный. Я не годился в мужа ни по какой статье, но и выбранная женщина, хотя и была старше меня на один год (20 и 21), но тоже оказалась неспособной сопротивляться бушующим волнам жизни. И получалось под романс Вертинского:

Пей, моя девочка, пей, моя милая,
Это плохое вино.
Оба мы нищие, оба унылые,
Счастья нам не дано.

Нас обманули, нас ложью опутали,
Нас заставляли любить...

Эти слова Вертинский написал в 1917 году, в Одессе. В год революции. Если говорить о нас, то она любила, а я заставлял себя любить, чтобы сохранить тепло в семье. Счастье отсутствовало. Была только видимость. Имитация.

Официальный брак был зарегистрирован 28 сентября (через три с половиною месяца после смерти мамы). И удивительным образом продержался почти 15 лет, до августа 1967 года. «Каждое супружество – мезальянс», – утверждал австрийский писатель Карл Краус, а уж этот был абсолютным мезальянсом, по всем статьям мы были разными: по темпераменту, по знаниям, по отношению к миру. Совпадение было одно: неумение вести быт и хозяйство. Всё было кое-как. А рождение ребёнка лишь усугубило положение. Но что об этом? Это прошумело и прошло...

А в конце 1952 года в один из дней звонок в дверь. Открываю – на пороге Алиса Тарасова, генеральская дочь, с ярко накрашенными губами. Почему? Зачем? Как вызов или приманка? Сказала, что хочет со мной прояснить отношения. Я с грустью в ответ: поезд ушёл... А мог и сказать, что коней на переправе не меняют. А я как раз был в состоянии переправы в новую жизнь.

На этом точка (январь 2019 г.), и перейдём к сохранившимся листочкам дневника, что я записывал именно тогда.

* * *

1 января

Встреча Нового года и новый любовный сюжет: Мила Тимофеева. «Она отдалась без упрёка, / Она целовала без слов...» (Бальмонт).

«Всякий мыслящий человек знает, что жизнь – неразрешимая загадка; остальные тешатся вздорными выдумками да ещё попусту волнуются и выходят из себя...» (Драйзер, роман «Финансист»).

И вспомню Блока:

Или устал ты до времени,
Просишь забвения могил,
Сын утомлённого племени,
Чуждый воинственных сил?..

Комментарий. Воинственных сил как раз и не было. Была сплошная рефлексия. Хотя поставил себе целью совет Джона Голсуорси: «Чувства – это змеи, которых надо держать в банках с притёртыми пробками», – совету этому так и не последовал. И писал какие-то женские жалостливые стихи:

Ах, вот судьба! Ужель ты мне
Готовишь только слёзы и мученья,
Чтоб, к подушке прижимаясь в тишине,
Не мог найти себе я утешенья?..

И что я один такой, который терзался мыслями и чувствами? Бельтов из книги Герцена «Кто виноват?» признавался:

«Ну, как тяжело всё это, право, если б вперёд говорили условия, мало нашлось бы дураков, которые решились бы жить».

Снова рассуждения, воспоминания, причитания, а где конкретные записи из дневника?

29 февраля

Новости такие: получил два письма от Милы и Чонка. Милино: «Здравствуй... Я очень тоскую по тебе и поэтому не могу заниматься даже. Решила написать, может, станет легче. А о чём писать, не знаю... Хочется посмотреть в твои глаза, прочесть в них „люблю“ и положить голову тебе на грудь...»

(А далее в дневнике выписки из Максима Горького):

«...Вспоминая о евреях, чувствуешь себя опозоренным. Хотя лично я, за всю жизнь мою, вероятно, не сделал ничего плохого людям этой изумительно стойкой расы, а всё-таки при встрече с евреем тотчас вспоминаешь о племенном родстве своём с изуверской сектой антисемитов и о своей ответственности за идиотизм соплеменников... Не больше ли „человека“ в семите, чем в антисемите?..»

Ремарка. Моя голова была забита не только любовью, волновало и многое другое... (21 января 2019 г.)

Начало марта (даты нет – листы уничтожены)

Захожу к «Нехаевой», она – неистощимый поставщик книг. Читаю «Визу времени» Эренбурга и прочитал «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» (1921). Сколько ума, остроумия, блеска, скептицизма и меткости...

«Когда весь сад давно обследован, – он говорил, – тщетно ходить по дорожкам с глубокомысленным видом и ботаническим атласом. Только резвясь, прыгая без толку по клумбам, думая о недополученном поцелуе или о сливочном креме, можно случайно натолкнуться на ещё неизвестный цветок...»

«Как ни была возвышенна и заманчива любовь в произведениях всех лучших писателей, как ни были сладки пухлые губки Нюры, многое заставило его призадуматься. Нюра не Стеша и не Маруня, у неё отец и прочее, значит – жениться. Но Нюра не Беатриче, у неё нет жажды божественного и священного бунта. Значит – служба, пелёнки. Главное дети – разве можно читать Ницше или Шопенгауэра, когда младенец пищит рядом?..» (Илья Эренбург. «Хулио Хуренито»).

Март (без даты)

Люблю статистику. С марта прошлого года по март нынешнего года в кино просмотрел 33 кинофильма, причём три картины – «Яника», «Артисты цирка» и «Моё сокровище» – по два раза. Среди картин понравились: «Маленькая мама», «Мечта», «Девушка моей мечты», «Вратарь», «Первый бал», «Под небом Сицилии», «Боксёры», «Котовский», «Петер».

За три месяца 1952 года сыграл 79 шахматных партий: 44 победы, 8 ничьих и 27 поражений. А в 1951 году была сыграна аж 631 партия!

За два месяца 1952 года прочитал 24 книги: несколько томов Горького, Козьму Пруткова, по одному тому Байрона, Брюсова и Маяковского, избранное Мицкевича, ещё Хафиз, Петефи, Саади, сборники Ахматовой и Цветаевой, «Виргинцы» Теккеря, ещё Эренбург и даже сборник «Маркс и Энгельс об искусстве».

18 марта

Снова выпал снег и кругом всё бело. Видно, весна-то ещё будет не скоро. Настроение так себе...

(И опять уничтоженные листы. После женитьбы пришлось ликвидировать многие страницы, ибо в них было много описаний встреч с разными девушками и пришлось «подчищать» жизнь. Пропали страницы, связанные со смертью мамы...)

19 марта

Круглая дата – 20 лет – 2 марта пролетела как-то кувырком, а поэтому, встретив Андрея Захарова, толстяка с аккордеоном, затащил к себе, благо был один, и тут же появились Горанский с Усом и с девочками. И мы, конечно, оторвались. Захаров угостил нас популярными западными мелодиями: «Конанноgef, конанноgef... Александер бэнц регтайм», «Венгерским танго» и прочими музыкальными яствами. И я лихо оттанцевал.

24 марта

Уже совсем иное: провёл несколько часов в доме-музее Маяковского, обложился книгами, читал и выписывал: «Пепел» Андрея Белого, стихи Брюсова, Асеева, «Жизнь с Маяковским» Василия Каменского и др. Почти пиршество.

Вставка в дневник

Который я не вёл, а выделенная под дневник общая тетрадь № 20 заполнена перечнем прочитанных книг и записью сыгранных шахматных партий с собственными комментариями. Разброс книг поражает, чего только не читал и каких авторов: тут и «Обрыв» Гончарова, и «Жизнь во мгле» Митчелла Уилсона, и Тургенев с «Асей» и «Первой любовью», и Батюшков, Денис Давыдов, Дельвиг, Языков, Бодлер, Верхарн и даже Аветик Исаакян:

Душа – перелётная бедная птица
Со сломанным бурей крылом.
А дождь без конца, и в пути ни крупы,
И тьма впереди и в былом...

Перевод Пастернака... Ну, и всякие цитаты, чтобы намотать себе на ус: «Не учился я как следует, да и проклятая славянская распущенность берёт своё...» (Тургенев).

В мае-июне выпускные экзамены и, очевидно, было не до дневника, да и те, страницы что были, оказались вырванные (любовные подробности?). А 14 июня страшный день: смерть мамы. И молчание на страницах...

17 июля

После 34-дневного перерыва (с 12 июня) я вновь возвращаюсь к своей излюбленной писанине, как любила выражаться моя мама... В сердце сосущая и томящая боль. В голове какая-то идиотская пустота, такая же в карманах. При ощутительных зовах голодного желудка начинается новая жизнь. Я крепко стискиваю зубы и становлюсь на это вертящееся колесо жизни...

*У двери Богатства я долго стучал:
К ногам моим грош из окошка упал...*

Фридрих Рюккерт, немецкий поэт

Без даты

Продолжаю ходить в кино, смотреть футбольные матчи и читать книги. Среди прочитанного: «Жизнь Клима Самгина» Горького, «Успех» Фейхтвангера, «Король Лир» и «Укрощение

строптивой» Шекспира, «Люди с чистой совестью» Вершигоры и «Судебные речи» Вышинского...

28 сентября

Брак с Г.В. И в этот же день две футбольные сенсации: московские клубы «Динамо» и «Спартак» дружно проиграли на своём поле киевлянам и железнодорожникам с одинаковым счётом 0:3. Разгром. Катастрофа. Уж не знак ли небес?..

30 ноября

Ободряющий стих:

Что нам деньги?!
В них ли счастье?
Мы без денег проживём –
Лишь бы только вдруг несчастье
Не повадилось к нам в дом...

...Что нам деньги?
В них ли счастье?
Деньги только лишь багаж.
Покупать на них бы сласти –
Вот моя была бы блажь.

Нет, шучу я, но, конечно,
В деньгах есть, пожалуй, толк:
Можно быстро и успешно
Возвратить соседке долг.

2 декабря

Ещё одно стихотворение. Вот начало: «Милый город потонул в сугробах. / На деревьях сказочный наряд. / Щёки у прохожих словно сдобы / Нарумянены и горят...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.